

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
САБЫ ТАХИР

САБА ТАХИР

НЕБО
ПОСЛЕ БУРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т24

Sabaa Tahir
A SKY BEYOND THE STORM

Печатается с разрешения
литературного агентства ICM Partners.

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Тахир, Саба.

Т24 Небо после бури : [роман] / Саба Тахир ;
пер. с англ. О. Ратниковой. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 608 с. — (Бестселлеры Сабы Тахир)

ISBN 978-5-17-138829-4

Джинны вырвались из долгого заключения. Они сеют кровавый хаос в деревнях и городах. Но для Князя Ночи месть – лишь начало. Его союзница Керис Витурия провозглашает себя Императрицей и преследует тех, кто не признает ее власть. Список ее врагов возглавляют Кровавый Сорокопут и остатки ее семьи.

Лайя — теперь союзница Кровавого Сорокопута — тяжело переживает потерю двух самых важных в ее жизни людей. Стремясь остановить приближающуюся катастрофу, она бросается в битву с Князем Ночи и пробуждает древнюю силу, которая приведет к победе... или к гибели. А далеко в Землях Ожидания Ловец Душ хочет одного — забыть о прошлой жизни и ушедшей любви. Но тогда придется забыть и о бесчисленных убийствах, совершенных Князем Ночи и его джиннами. Ловец Душ должен сдержать клятву и защитить мир людей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2020 Sabaa Tahir
© О. Ратникова, перевод на русский язык
Cover based on artwork created by Micaela
Alcaino
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-138829-4

*Всем детям войны,
чьи истории никогда не будут рассказаны.*

*Моим детям — моему соколу и моему мечу.
Из всех миров, в которых я обитаю,
ваши — прекраснее всех.*

ЧАСТЬ I
ПРОБУЖДЕНИЕ

1: Князь Тьмы

Я пробудился в сияющем юном мире, когда люди умели охотиться, но не возделывать землю, сражаться камнем, но не знали стали. В том мире я чувствовал ароматы дождя и земли, и жизни. Я был полон надежд.

«Поднимайся, Возлюбленный».

Непостижимая моему разуму вечность говорила со мной сейчас. Это был голос отца, матери. Творца и разрушителя. Голос Маута, который есть сама Смерть.

«Восстань, дитя пламени. Воспари над землей, ибо дом твой ожидает тебя».

Хотел бы я никогда не познать привязанности к нему, моему дому. Хотел бы я не открыть в себе магии, не полюбить жену, не возжечь искры моих детей, не утешить ни одного призрака. Хотел бы я, чтобы Маут никогда не призывал меня.

* * *

— Мехерья.

Звук моего имени выдергивает меня из прошлого, возвращая на вершину залитого дождем холма в самом сердце страны Мореходов. Мой прежний дом — Земли Ожидания, известные людям как Сумеречный Лес. Я выстрою себе новый на костях моих врагов.

— Мехерья. — В глазах Амбер, красных, как киноварь, пылает пламя древнего гнева, и они слепят, точно солнце. — Мы ждем твоих приказаний. — В левой руке она сжимает глефу с раскаленным добела клинком.

— Есть донесения от гулей?

Ее рот кривится в гримасе.

— Они прочесали Дельфиниум, Антиум, даже Земли Ожидания. Но не смогли найти девчонку. Уже несколько недель никто не видел ни ее, ни Кровавого Сорokoпyта.

— Пусть гули отыщут в Маринне Дарина из Серры, — говорю я. — Он кует оружие для Книжников в порту Адисы. Рано или поздно сестра появится у него.

Амбер склоняет голову, и мы разглядываем деревню внизу — беспорядочное скопление каменных домишек. Их стены выстоят во время пожара, но не деревянные кровли. Деревня как две капли воды похожа на все прочие селения, которые мы сровняли с землей. За одним исключением. Это последнее сражение в нашей войне, наш «прощальный залп» по Маринну. А потом я отправлю Меченосцев на юг, где они присоединятся к основной армии Керис Витурии.

— Люди готовы к бою, Мехерья. — Свечение Амбер становится багрово-красным: наши союзники-Меченосцы вызывают у нее отвращение.

— Приказывай, — команду я. У меня за спиной мои сородичи один за другим превращаются из теней в языки пламени, и зарево освещает холодное небо.

По деревне разносится колокольный набат: часовой нас заметил и поднял тревогу. Ворота, наспех сооруженные после нападений на соседние общины, захлопываются, вспыхивают факелы, крики ужаса наполняют ночной воздух.

— Перекрыть все выходы, — говорю я Амбер. — Детей оставить в живых — пусть расскажут всем. Маро, ты справишься с этой задачей? — Огонек этого джинна еле мерцает, плечи узки и немощны. Но внешность его обманчива.

Маро кивает, увлекая за собой других. Пять огненных потоков, подобных тем, что извергают из себя молодые горы на юге, устремляются вниз. Плающие реки обращают ворота в угли.

На подходе половина легиона Меченосцев. Деревня уже полыхает, мои сородичи отступают, и солдаты начи-

нают резню. Пронзительные стоны немногих выживших скоро стихают. Вопли мертвых не смолкают еще долго.

Когда от мирной деревни остается усеянное трупами пепелище, Амбер находит меня. Подобно остальным, она почти обратилась в тень, лишь в глазах тлеют тусклые рыжие огоньки.

— Ветер попутный, — говорю я ей. — Вы быстро доберетесь домой.

— Мы хотели бы остаться с тобой, Мехерья, — возражает она. — Теперь мы сильны.

Тысячу лет я провел, терзаемый гневом и жаждой мести, думая: так будет всегда. И мне никогда не увидеть, как мой прекрасный народ носится по свету. И мне никогда не ощутить тепла их пламени.

Но время и терпение помогли мне воссоздать Звезду. Этим оружием Пророки пленили мой народ. Этим же оружием я их освободил. Сейчас сильнейшие из сильнейших собрались вокруг меня. И пусть их темница пала — я уничтожил каждое дерево, ставшее их тюрьмой, — когда они рядом, сердце мое все так же трепещет от ликования.

— Идите, — мягко говорю я. — Потому что скоро вы мне понадобятся.

Оставшись один, я спускаюсь в деревню. Я следую по ее мощеным улицам, выискивая признаки жизни, но ничего не нахожу. В той давней войне с людьми Амбер лишилась родителей, детей и возлюбленного. Она беспощадна в своем гневe.

Порыв ветра приносит меня к южной стене. В воздухе висит смрад насилия, что творилось здесь. Но есть и какой-то еще запах.

Я слышу собственное шипение. Это запах человека, но этот человек связан с миром духов. Перед моим мысленным взором возникает лицо девушки. Лайя из Серры. Это может быть она.

Но почему она скрывается здесь, в деревне Мореходов?

Принять человеческий облик? Все же нет. Это так-то непросто, и без веской причины я не надеваю эту личину. Вместо этого я плотнее закутываюсь от дождя в плащ и следую за странным запахом. Он приводит меня к хижине, приютившейся у развалин каменной стены.

Гули, путаясь у меня под ногами, визжат от восторга. Они питаются болью, и сегодня им предстоит настоящее пиршество. Я расшвыриваю их и захожу в хибару один.

Традиционная лампа кочевников освещает помещение, в очаге весело трещит огонь, на сковороде дымятся обугленные остатки лепешки. На комодке — кувшин с зимними розами, на столе — запотевшая чашка ледяной воды из колодца.

Обитатель этой хижины только что сбежал.

Или она хочет, чтобы все выглядело именно так.

Я стараюсь взять себя в руки, но для джиннов любовь — это серьезно. Лайя из Серры еще живет в моем сердце. Куча скомканных одеял в изножье кровати превращается от моего прикосновения в пепел. И трясущийся от испуга мальчишка — это точно *не* Лайя из Серры.

И все же что-то в нем напоминает ее.

Это не взгляд — в сердце Лайи из Серры поселилась печаль, а этот мальчишка охвачен страхом. Душа Лайи закалена страданиями, а этот мальчик слаб, до сегодняшнего дня он не знал горя. Это ребенок Мореходов, ему лет двенадцать, не больше.

Но нечто, похороненное глубоко внутри его сознания, напоминает мне Лайю. Неведомая тьма, поселившаяся в нем. Я встречаю взгляд его черных глаз, он пытается загородиться от меня руками.

— Уб-бирайся! — пытается крикнуть мальчишка, но голос его срывается, а ногти впиваются в доски кровати. Когда я приближаюсь, чтобы свернуть ему шею, он сно-

ва вскидывает руки, и загадочная сила отбрасывает меня назад.

В его могуществе бушует неукротимая ярость — она мне знакома, и это тревожит меня. Возможно, это магия джиннов, размышляю я, но в союзах джиннов со смертными, которые все же случались, никогда не рождались дети.

— Уходи, мерзкая тварь! — Приободренный моим отступлением, мальчишка что-то швыряет в меня. «Снаряд» причиняет мне не больше вреда, чем пригоршня розовых лепестков. Соль.

Мое любопытство угасает — порождение мира духов, которое живет в этом ребенке, больше не интересует меня, и я тянусь к рукояти косы, закрепленной у меня за спиной. Прежде чем мальчишка успевает что-либо понять, лезвие рассекает ему горло, а я поворачиваюсь, чтобы уйти: мысли мои уже заняты другим.

Внезапно мальчик начинает говорить, и я застываю, как вкопанный. Голос его звучит громко и весомо, словно речь джинна, изрекающего пророчество. Но ребенок пугается в словах — жизненная сила покидает его.

— Семя, так долго дремавшее, проснулось, расцвело и принесло плод, который надежно спрятан в теле смертного. И в нем заключена твоя погибель, Возлюбленный, а с нею и разрушение... разрушение...

Джинн закончил бы пророчество, но передо мной всего лишь человек, и тело его — слишком хрупкий сосуд. Кровь хлещет из страшной раны на горле, мальчик заваливается на бок. Он мертв.

— Во имя неба, что ты такое? — шепчу я, обращаясь к тьме, говорившей со мной устами ребенка. Но она уже рассеялась как дым и забрала с собой ответ на мой вопрос.

2: Лайя

Сказительница прочно завладела вниманием посетительницы постоялого двора «Укайя». На улицах Адисы завывает зимний ветер, дребезжат ставни, и Кочевница тоже дрожит всем телом. Она поет о женщине, которая сражается с мстительным джинном за жизнь своего возлюбленного. Даже те, кто влил в себя по несколько кружек эля, не сводят с нее глаз.

Из своего угла я наблюдаю за *кеханни*, размышляя о том, каково это: быть такой, как она. Предлагать свой дар рассказчицы незнакомым людям, вместо того, чтобы подозревать всех и каждого в намерении тебя убить.

Мысль об убийстве заставляет меня снова обвести зал пристальным взглядом и нащупать под плащом кинжал.

— Если натянешь капюшон еще ниже, — шепчет Муса из Адисы мне на ухо, — люди примут тебя за джинна.

Книжник небрежно развалился на стуле справа от меня. Дарин, мой брат, сидит напротив. Мы выбрали стол у запотевшего окна, и тепло от очага сюда не доходит.

Я не вытаскиваю оружие из ножен. Однако моя кожа зудит: чутье говорит мне, что за мной наблюдает враг. Однако взгляды всех присутствующих устремлены на *кеханни*.

— Перестань хвататься за нож, *аапан*.

Это слово из языка Мореходов означает «сестренка», и Муса произносит его с тем же раздражением, что иногда слышится в голосе Дарина. Пчеловод, — Мусу знают под этим именем — старше нас с братом, ему двадцать восемь. Возможно поэтому он с особым удовольствием раздает нам указания.

— Хозяйка — наш друг, — успокаивает меня он. — Никакой опасности нет. Расслабься. В любом случае, мы

ничего не сможем предпринять, пока не вернется Кровавый Сорокопут.

Вокруг нас Мореходы, Книжники, и всего человек пять Кочевников. Но когда *кеханни* заканчивает свою историю, стекла дрожат от оглушительных аплодисментов. Шум застигает меня врасплох, и я снова вцепляюсь в кинжал.

Муса убирает мою руку с оружия.

— Ты вытащила Элиаса Витуриуса из Блэклифа, спалила тюрьму Кауф, приняла роды у супруги Императора Меченосцев в самый разгар битвы, ты встречалась лицом к лицу с Князем Тьмы уж не знаю сколько раз, — говорит он. — И ты подпрыгиваешь на месте от громкого звука? Я считал тебя бесстрашной, *аапан*.

— Оставь ее, Муса, — вмешивается Дарин. — Лучше быть нервным, чем мертвым. Кровавый Сорокопут согласилась бы со мной.

— Кровавый Сорокопут — Маска, — возражает Муса. — Подозрительность у них в крови. — Книжник выжидающе смотрит на дверь, и лицо его становится серьезным. — Она уже должна была вернуться.

Это так странно — волноваться за Сорокопута. Еще несколько месяцев назад я считала, что буду ненавидеть ее до самой смерти. Но потом карконские варвары во главе с волшебником Гримарром осадили Антиум, и Керис Витурия предала свой город. Тысячи Меченосцев и Книжников, включая меня, Сорокопута и ее новорожденного племянника, Императора, бежали в Дельфиниум. Сестра Сорокопута, Ливия, регент при малолетнем Императоре Закариасе, освободила всех рабов-Книжников.

И каким-то образом во время всех этих событий мы с Сорокопутотом стали союзницами.

Хозяйка, молодая Книжница, ровесница Мусы, появляется на пороге кухни с подносом в руках. Она уверен-

но направляется к нам, и до меня доносится чертовски соблазнительный аромат тушеной тыквы и чесночных лепешек.

— Муса, дорогой. — Женщина расставляет на столе еду, и я внезапно понимаю, что умираю с голоду. — Вы не останетесь еще на ночь?

— Извини, Хайна. — Он бросает ей золотую марку, и она проворно ловит монету. — Это за ночлег.

— Хватит с лихвой. — Хайна прячет деньги в карман. — Никла снова подняла налоги для Книжников. На прошлой неделе хлебная лавка Найлы разорилась — нечем было платить.

— Мы лишились самого надежного союзника. — Муса говорит о старом короле Ирманде, который болеет уже много недель. — Дальше будет только хуже.

— Ты же был женат на принцессе, — напоминает Хайна. — Может, ты с ней поговоришь?

Книжник криво усмехается, глядя ей в лицо.

— Только если ты хочешь, чтобы налоги еще повысили.

Хайна уходит, а Муса пододвигает к себе блюдо с тушеными овощами. Дарин хватается за тарелку с жареной бамией, на которой еще шипит масло.

— Ты же час назад сгрыз четыре початка кукурузы, — недовольно говорю я, сражаясь за корзинку с хлебом.

И в тот момент, когда она оказывается в моих руках, входная дверь распахивается. В зал врывается снежный вихрь, а на пороге возникает высокая стройная женщина. Блестящие светлые волосы заплетены в косу и уложены точно корона, но их почти полностью скрывает капюшон. На нагрудной пластине мелькает изображение птицы с раскрытым в крике клювом, но женщина запахивает плащ и широкими шагами направляется к нашему столу.

— Пахнет невероятно. — Кровавый Сорокопут Империи Меченосцев усаживается напротив Мусы и забира-

ет у него блюдо. Заметив, как вытянулось его лицо, она пожимает плечами. — Сначала дамы. Это касается и тебя, кузнец.

Тарелка Дарина скользит в мою сторону, и я буквально вгрызаюсь в еду.

— Ну? — обращается к Сорокопуту Муса. — Эта сверкающая птичка на твоих доспехах помогла получить аудиенцию у короля?

В прозрачных серых глазах Кровавого Сорокопута вспыхивают зловещие огоньки.

— Твоя жена, — начинает она, — это просто заноза в...

— Бывшая жена, — перебивает ее Муса.

Когда-то они с принцессой обожали друг друга. Но это прошло. Надеждам на вечную любовь не суждено было сбыться.

И это горькое чувство мне знакомо не понаслышке.

Элиас Витуриус снова вторгается в мое сознание, хотя я закрылась от мыслей о нем. Я вижу его сейчас таким, как в нашу последнюю встречу на границе Земель Ожидания: отстраненным и одновременно настороженным: *«В конце концов, все мы — недолгие гости в жизни друг друга. И ты скоро забудешь, что я заходил в гости в твою жизнь»*.

— Что сказала принцесса? — допытывается Дарин, и я возвращаюсь в реальность.

— Ничего не сказала. Ее распорядитель передал, что принцесса выслушает мою просьбу, когда здоровье короля Ирманда улучшится.

Женщина-Меченосец сердито смотрит на Мусу, словно в аудиенции ей отказал именно он.

— Эта *чертова* Керис Витурия засела в Серре и рубит головы всем послам, которых отправляет туда Никла. У Мореходов нет других союзников в Империи. Почему она отказывается увидеться со мной?

— Я бы и сам не прочь это выяснить, — бормочет Муса, и около его уха вспыхивает искорка, переливающаяся всеми цветами радуги — крошечные крылатые создания, шпионящие на Мусу, явились на его зов. — У меня есть глаза и уши по всей Империи, Кровавый Сорокопут, но я не в силах заглянуть в мысли Никлы.

— Я должна вернуться в Дельфиниум. — Неподвижный взгляд Сорокопута прикован к окну, за которым завывает снежная буря. — Моя семья нуждается во мне.

На ее обычно бесстрастном лице застыло выражение беспокойства, и меж бровями обозначились морщины. После нашего бегства из Антиума прошло уже пять месяцев. За это время Кровавый Сорокопут предотвратила дюжину покушений на жизнь юного Императора Закариаса. У младенца полно врагов: и карконские варвары, и союзники Керис с юга. И я знаю, что они не отступятся.

— Вообще-то, именно этого мы и ожидали, — подытоживает Дарин. — Итак, решено?

Мы с Кровавым Сорокопутом киваем, но Муса недовольно кашляет.

— Я понимаю, что Сорокопуту необходимо поговорить с принцессой. Но я хотел бы при свидетелях заявить, что считаю ваш план слишком рискованным.

— У Лайи не бывает других планов — только безумные и смертельно опасные, — фыркает Дарин.

— А где твоя тень, Меченосец? — Муса озирается в поисках Авитаса Харпера, словно Маска может материализоваться рядом с нами. — Какое ужасное задание ты дала бедняге на этот раз?

— Харпер занят. — Сорокопут напрягается всем телом, но продолжает есть. — О нем не беспокойся.

Дарин поднимается из-за стола.

— У меня есть еще одно дело в кузнице. Встретимся у городских ворот, Лайя. Удачи вам всем.

Я смотрю ему вслед, и беспокойство снова одолевает меня. Пока я находилась на землях Империи, брат по моей просьбе оставался здесь, в Маринне. Мы встретились неделю назад, когда Сорокопут, Авитас и я вернулись в Адису. И вот теперь мы расстаемся снова. *Всего на несколько часов, Лайя. С ним все будет в порядке.*

Муса кивает на тарелку Дарина.

— Ешь, *аанан*, — ласково говорит он. — Глядишь, и настроение улучшится. Я прикажу феям приглядывать за твоим братом. Увидимся у северо-восточных ворот. После седьмого колокола. — Он замолкает и озабоченно хмурится. — Будьте осторожны.

Когда Муса скрывается за дверью, Кровавый Сорокопут пренебрежительно усмехается.

— Маске нечего бояться местных стражников.

Возразить на это нечего. Я сама видела, как Сорокопут чуть ли не в одиночку сдержала армию карконских варваров, чтобы тысячи Меченосцев и Книжников могли покинуть Антиум. Немного нашлось бы Мореходов, которые смогли бы справиться с обычным воином-Маской. И ни одному не под силу одолеть Кровавого Сорокопута.

Сорокопут поднимается в свою комнату, чтобы переодеться, и я впервые за очень долгое время остаюсь одна. Где-то в городе звонит колокол. Пять часов. Зимой солнце садится рано, под натиском штормового ветра громы хаю и стонут крыши. Я размышляю о словах Мусы и, наблюдая за полупьяными посетителями кабака, пытаюсь подавить ощущение чужого взгляда на своей коже. «Я считал тебя бесстрашной женщиной».

Когда он это сказал, я чуть не рассмеялась ему в лицо. «Страх будет твоим врагом, если ты сама это позволишь». Когда-то я услышала эти слова от кузнеца Спиро Телумана. Бывают дни, когда я без труда следую

этому совету. Но бывает и так, когда их бремя становится невыносимым.

Конечно же, я совершила все то, о чем говорил Муса. Но сначала оставила Дарина в лапах у Маски. Моя подруга Иззи погибла по моей вине. Я сбежала от Князя Тьмы, но невольно помогла джинну освободить его народ. Я спасла ребенка Императрицы, но позволила собственной матери принести себя в жертву, чтобы мы с Кровавым Сорокопутым выжили.

Даже теперь, спустя много месяцев, я вижу маму во сне. Она целится из лука в карконских головорезов — седые волосы развеваются, глаза на изуродованном шрамами лице горят ненавистью. Она не знала, что такое страх.

Но я — не моя мать. И страхи терзают не только меня. Дарин никогда не говорит о том ужасе, что ему пришлось пережить в тюрьме Кауф. И Сорокопут не говорит о том дне, когда Император Маркус казнил ее родителей и сестру. Или о том, что она чувствовала, покидая Антиум и хорошо понимая, что сотворят захватчики с ее народом.

«Бесстрашная». Нет, никто из нас не является бесстрашным. «Злосчастный» — это слово подходит больше.

Заметив на лестнице Кровавого Сорокопута, которая уже спускается ко мне, я тоже встаю. На ней темно-серое платье дворцовой прислужницы, туго перетянутое поясом, и плащ такого же унылого цвета — эта одежда делает ее неузнаваемой. Даже для меня.

— Прекрати пялиться. — Сорокопут заправляет прядь волос под темный платок, скрывающий ее косы, и подталкивает меня к двери. — Не привлекай внимания. Идем. Мы опаздываем.

— Сколько у тебя клинков под юбкой?

— Пять... нет, погоди... — Она переминается с ноги на ногу. — Семь.

Мы выходим на заметенную снегом улицу и оказываемся в толпе прохожих. Ветер обжигает мне лицо, и, пока я шарю в карманах в поисках перчаток, пальцы мгновенно немеют.

— Семь клинков, — усмехаюсь я. — И ты даже не подумала прихватить перчатки?

— Здесь тепло, не то что в Антиуме. — Взгляд Сорокопута падает на кинжал, торчащий у меня за поясом. — А потом я не пользуюсь отравленным оружием.

— Но если бы ты пользовалась, тебе бы не понадобилось столько ножей. Возможно.

Она ухмыляется в ответ.

— Удачи тебе, Лайя.

— Сорокопут, не убей там кого-нибудь.

Она растворяется в толпе, подобно призраку — четырнадцать лет боевой подготовки научили ее казаться незаметной, не хуже меня. Я приседаю, делая вид, что завязываю шнурок на ботинке. Мгновение — и меня уже нет.

Выстроенный на нескольких уровнях город с его домами, выкрашенными в яркие радостные цвета, очарователен при свете дня. Но по ночам Адиса просто ослепительна. Фонари кочевников висят почти на каждом доме, их многоцветные огоньки сияют даже во время снежной бури. На окнах — декоративные решетки, и льющийся сквозь них золотой свет рисует на снегу невероятные узоры.

Постоялый двор «Укайя» расположился на одной из верхних террас, откуда открывается вид на залив Фари, омывающий северо-западную часть города, и на залив Афтаб — на северо-востоке. Там, среди гигантских дрейфующих льдин, всплывают на поверхность и снова погружаются в черную воду киты. В центре города покрытый копотью шпиль Великой Библиотеки пронзает небо своим острием. Шпиль все же уцелел — когда я в последний раз была здесь, то видела, как его пожирает пламя.

Однако сейчас в центре моего внимания жители Адиссы. Несмотря на пронизывающий северный ветер, Мореходы разодеты, как на праздник. Костюмы из красной, синей и пурпурной шерстяной ткани расшиты пресноводным жемчугом и крошечными зеркальцами. Просторные плащи оторочены мехом и украшены богатой золотой вышивкой.

Возможно однажды это место станет для меня домом. Большинство Мореходов не разделяют предрассудков Никлы. Возможно, и я когда-нибудь смогу носить красивые платья, жить в доме с розово-голубыми стенами и зеленой крышей. Буду веселиться вместе с друзьями, стану целительницей. Встречу красивого Морехода и буду отвешивать затрещины Дарину и Мусе, если те вздумают меня дразнить.

Я пытаюсь удержать эту красивую картинку перед глазами. Но я не хочу жить в Маринне. Я хочу вернуться в пустыню, где под черным небом будут звучать истории Кочевников. Я хочу подолгу, не отрываясь, смотреть в светло-серые глаза и видеть в них любовь и еще тот проблеск свирепой пылкости, по которым я так тоскую. Я хочу узнать, что он сказал мне на садейском языке, когда мы танцевали на Лунном Фестивале в Серре, полтора года назад.

Я хочу, чтобы Элиас Витуриус вернулся ко мне.

Прекрати, Лайя. Книжники и Меченосцы Дельфиниума рассчитывают на меня. Муса решил, что Никла просто не хочет встречаться с Сорокопутом, и мы придумали, как *заставить* принцессу ее выслушать. Но план работает только в том случае, если я проберусь во дворец.

Направляясь в центр города, я слышу обрывки разговоров. Горожане обсуждают нападения на отдаленные деревни. Говорят о чудовищах, рыскающих по округе.

— Я слышал, в одном селении сто человек убили.

— Полк моего племянника отправился в поход несколько недель назад, и до сих пор от них ни слуху, ни духу.

— Это просто болтовня...

Но это не пустая болтовня. Феи Мусы вернулись сегодня утром с новостями. У меня сжимается сердце, когда я думаю о сожженных дотла приграничных селениях, о безжалостно казненных жителях.

Улицы становятся узкими, фонари попадают все реже. Я слышу за спиной звон монет и резко оборачиваюсь, но никого не вижу. Я ускоряю шаг, и вот уже ворота дворца. Они инкрустированы ониксом и перламутром, отливающим лунным светом под розоватым ночным небом. «Не приближайся к этим треклятым воротам, — предупреждал меня Муса. — Их охраняют йадуна, невидимость не спасет тебя от этих ведьм».

Колдуньи-йадуна живут в неизведанных землях, лежащих за Великими Пустынями, в тысячах миль к западу от Адисы. Несколько колдуний состоят на службе у королевской семьи Мореходов. Встреча с ними означает тюрем — или смерть.

К счастью, во дворце имеется черный вход — и не один — для горничных, курьеров и садовников, которые обслуживают громадное здание. Их охраняют не йадуна, а обычные воины, и для меня не составляет никакого труда проскользнуть мимо них.

Однако, оказавшись внутри, я снова слышу этот звук — позвякивающих монет.

Дворец имеет форму буквы «П», во внутреннем пространстве разбит огромный ухоженный сад. Коридоры настолько широкие, что легко разъедутся две повозки, а каменные потолки — такой высоты, что я не могу рассмотреть фрески, которыми они расписаны.

И повсюду зеркала. Завернув за угол, я случайно бросаю взгляд в одно из них и успеваю заметить ярко-синее

одеяние и блеск золотых монет. У меня учащается пульс. Йадуна? Но отражение исчезает слишком быстро.

Я возвращаюсь обратно — туда, где исчезла фигура. Коридор пуст, если не считать двух дежурных стражников. Я говорю себе, что разберусь со своим преследователем, кем бы он там ни был, когда окажусь с ним лицом к лицу. Сейчас мне нужно проникнуть в тронный зал.

«Каждый вечер, после шестого колокола, — рассказывал Муса, — принцесса покидает тронный зал и направляется в парадную столовую. Зайди через южный аванзал. Положи клинок на трон и уходи. Как только стражники увидят оружие, Никлу уведут в ее покои».

Никто не пострадает, Никла окажется там, где нам нужно, и Кровавый Сорокопут обратится к ней со своей просьбой.

Аванзал — небольшая комната, в воздухе висит слабый запах затхлости, пота и женских духов, но, как и обещал Муса, здесь никого нет. Я беззвучно просачиваюсь в приоткрытую дверь и оказываюсь в темном углу тронного зала.

И слышу голоса.

Первый голос — женский, звучный и разгневанный. Я всего один раз слышала, как говорит принцесса Никла, и это было несколько месяцев назад. Я не сразу ее узнаю.

Звук другого голоса заставляет меня окаменеть. Пугающе тихий, пронизанный жестокими интонациями — ошибиться невозможно. Что она делает здесь, в Адисе? Она, которая называет себя Императором Инвиктусом и Верховным Главнокомандующим Империи.

Но для меня она навсегда останется Комендантом.

3: *Ловец Душ*

Запах и вкус тушеного мяса навевают воспоминания. И мне это не нравится.

Куски моркови и картофеля размягчились, мясо куропатки легко отделяется от костей. Но когда я засовываю ложку в рот, мне немедленно хочется выплюнуть еду. В хижине холодно. Над миской поднимается пар, в котором мне чудятся лица. Женщина-солдат со светлой косой, уложенной короной вокруг головы, стоит рядом со мной среди леса, спрашивая, все ли со мной в порядке. Другая женщина — невысокая, с татуировкой на шее, сжимает в руке плеть, с которой капает кровь, и сверлит меня безжалостным взглядом.

Девушка с золотыми глазами касается кончиками пальцев моего лица, умоляя ей не лгать.

Я крепко зажмуриваюсь, и миска, пролетая через всю комнату, разбивается вдребезги о каменную полку над очагом. Над искусно выкованными мечами, которые я повесил там несколько месяцев назад, поднимается облачко пыли.

Лиц больше нет. Я стою посреди комнаты, а на ладонях под кожей несколько заноз с грубой столешницы.

Я не помню, как вскочил со стула, как швырнул миску в стену. Не помню, как вцепился в стол с такой силой, что руки теперь кровоточат.

Эти люди — кто они? Они в аромате зимних плодов и в прикосновении мягкого одеяла к моей коже. В тяжести оружия и в посвисте колючего северного ветра.

Они появляются по ночам в моих видениях войны и смерти. Сны всегда начинаются одинаково: многотысячная армия устремляется в атаку на стену огня. От оглушительного рева дрожит земля, потом появляется гигантский смерч, голодный и обладающий разумом, он пожи-

рает все на своем пути. Светловолосую воительницу, невысокую женщину с холодным лицом и златоглазую девушку. И вдалеке я вижу рощу цветущих фруктовых деревьев — на землю, кружась, опускаются нежные розовые лепестки.

Сны вызывают у меня беспокойство. Не за себя, но за жизни этих незнакомых людей.

«Их жизни не имеют никакого значения, Бану аль-Маут». В моей голове низко гудит древний голос. Это говорит Маут, магия, благодаря которой и существуют Земли Ожидания. Сила Маута оберегает меня от внешних угроз и позволяет заглядывать в души живых и мертвых, прочитывать их эмоции. Эта магия дает мне способность продлить жизнь или оборвать. Мой долг — защищать Земли Ожидания, даруя утешение призракам, задержавшимся в этом месте.

Многое из прошлого скрылось в тумане, но Маут оставил мне обрывки воспоминаний. Например, о том, что произошло, когда я стал Ловцом Душ. Тогда эмоции помешали мне впитать магию Маута. Я не смог достаточно быстро проводить призраки через Земли Ожидания. Они набрались сил и бежали. Очутившись в мире живых, они убили тысячи людей.

Чувства — это враги, напоминаю я себе. Любовь, ненависть, радость, страх. Отныне все это под запретом.

«В чем ты поклялся мне?» — спрашивает Маут.

— Помогать призракам переходить на другую сторону, — отвечаю я. — Освещать путь слабым, павшим, забытым во тьме, которая следует за смертью.

«Да. Потому что ты мой Ловец Душ. Бану аль-Маут. Избранник Смерти».

Но раньше я был кем-то другим. Кем? Как мне хотелось бы это узнать. Как мне хотелось бы...

За стенами хижины стонет ветер. А может, это голоса призраков. Когда Маут заговаривает со мной снова, сло-

ва его сопровождает «волна» магии, которая притупляет мое любопытство.

«Желания лишь причиняют боль, Ловец Душ. Твоя земная жизнь осталась в прошлом. Сосредоточься на ноевой. Нарушители у границ».

Убирая разлитое по полу варево, я дышу через рот, чтобы не чувствовать запаха. Потом надеваю плащ, размышляя о том, стоит ли оставлять огонь в очаге. Прошлой весной ифриты сожгли хижину, которая стояла на этом самом месте. Хижина принадлежала Шэве, женщине-джинну, служившей Ловцом Душ до меня. До того дня, когда Князь Тьмы убил ее.

Постройка этого жилища заняла несколько месяцев. Пол из светлых досок, моя кровать, полки для посуды и продуктов — все совершенно новое, пахнет смолой. Дом и поляна, на которой он стоит, защищают меня от призраков и духов, точно так же, как когда-то и Шэву.

Это место — моя крепость, мое убежище. Я не хочу, чтобы оно снова сгорело дотла.

Но снаружи лютый мороз, и к моему возвращению дом совсем остынет. Я оставляю тлеющие уголья, сгребая на них золу. Потом натягиваю сапоги и беру резной деревянный браслет, который все еще доделываю — хотя и не помню, откуда он взялся. Остановившись у порога, я бросаю последний взгляд на свои клинки. Мне было очень трудно с ними расстаться. Это чей-то дар. Дар человека, который когда-то был мне небезразличен.

Именно поэтому ты не должен больше думать об этих мечах. Я отворачиваюсь и выхожу навстречу снежной буре. Я надеюсь лишь на то, что необходимость охранять целое царство и заботиться о призраках отвлекут меня, и лица, преследующие меня во сне и наяву, рано или поздно сотрутся у меня из памяти.

* * *

Нарушители находятся так далеко на юге, что, когда я переносюсь туда по ветру, от бурана остается лишь воспоминание. Ветер с Сумеречного моря несет соленые брызги, которые покрывают мою кожу липким налетом, и из-за шума прибоя я едва различаю голоса чужаков. Двое мужчин и женщина, которая держит на руках маленького ребенка, насквозь мокрые, появляются среди блестящих черных скал, направляясь к Землям Ожидания.

У всех четверых золотисто-смуглая кожа и курчавые волосы — наверное, родственники. Обломки затонувшего корабля качаются на волнах, и целая стая морских ифритов забавляется, швыряясь камнями в жалких смертных.

Несмотря на то что я не показываюсь из своего укрытия, ифриты чувствуют мое присутствие, смотрят в сторону деревьев и что-то недовольно бурчат на своем языке. Затем отступают в воду, а люди продолжают идти к Лесу.

Шэва ломала людям кости, превращала тела в кровавую кашу и оставляла их у границ Леса в качестве предупреждения другим. Я не смог заставить себя вести себя так, как она — и вот чем это закончилось. Для людей Земли Ожидания — это всего лишь Сумеречный Лес. Они успели забыть, что здесь обитает.

Призраки, которых я еще не успел перевести на ту сторону, собираются у меня за спиной и рыдают — вид живых причиняет им боль. Мужчины переглядываются. Но женщина, несущая ребенка, сжимает зубы и упорно продолжает идти к деревьям.

Когда она оказывается под сводами Леса, призраки окружают ее. Она их не видит, но слышит их горестные стоны, и лицо ее становится белым, как мел. Ребенок спокойно шевелится у нее на руках.

— Вам нельзя здесь находиться, путники. — Я выхожу из-за деревьев, и мужчины застывают на месте.

— Мне нужно ее покормить. — В голосе женщины я слышу отчаяние и вызов. — Мне нужно развести огонь, чтобы ее согреть.

Призраки издают угрожающее шипение, листья деревьев зловеще шелестят. Деревья выражают настроение Маута, а он любит чужаков не больше, чем мои подопечные — души умерших.

С последнего раза, когда я отнял жизнь при помощи магии Маута, прошло несколько месяцев. Не раздумывая, я тогда прикончил кучку карконских вождей. И сейчас я пользуюсь этой силой снова — нахожу нить жизни женщины и тяну за нее. Сначала она только крепче прижимает к себе ребенка, но потом издает сдавленный хрип и хватается за горло.

— Фозия! — вскрикивает один из мужчин. — Вернись...

— Ни за что! — упрямо выдавливает из себя Фозия, хотя ей уже нечем дышать. — Я не поддамся главарю душегубов. Сколько человек он убил, шныряя здесь, как паук? Сколько...

Слова Фозии застревают у меня в мозгу. «Сколько человек он убил...»

«Сколько...»

Меня оглушают пронзительные вопли: это крики тысяч мужчин, женщин и детей, которые погибли по моей вине прошлым летом — после того, как рухнули стены Земель Ожидания. Тех, кого я убил, будучи солдатом, друзей, павших от моей руки, — все они проходят сейчас передо мной, и я ощущаю осуждающий взгляд их мертвых глаз. Это уже слишком. Я не вынесу этого...

Страшная картина исчезает так же внезапно, как и появилась. Магия проникает в мое сознание: Маут успокаивает мой растревоженный разум, исцеляя покоем. Все в прошлом.

Фозия и ее родственники должны уйти. Я снова принимаюсь «высасывать» жизненную энергию женщины. Руки ее дрожат, она из последних сил прижимает к себе ребенка. Я иду навстречу ей, она пятится прочь и, наконец, очутившись за границей Леса, без сил падает на каменистый пляж.

— Хорошо, мы уйдем, — сипло выговаривает она. — Я сожалею...

Я отпускаю ее, и она бежит на север, а ее спутники следуют за ней. Они двигаются вдоль берега и, пока не скрываются из виду, время от времени бросают на деревья опасливые взгляды.

— Привет тебе, Ловец Душ. — Запах соленой воды усиливается, волны обрушиваются к моим ногам и отступают, оставляя островки пены, из которых поднимается полупрозрачная фигура, отдаленно напоминающая человеческую. — Твое могущество возросло.

— Зачем ты выбрался на сушу, ифрит? — обращаюсь я к существу. — Неужели причинять страдания людям настолько приятно?

— Князь Тьмы потребовал разрушения и смертей, — отвечает ифрит. — Мы... с радостью выполняем его приказы. Мы готовы на все, лишь бы он остался доволен.

— Ты хочешь сказать: вы боитесь, как бы он не остался недоволен.

— Он убил сотни таких, как мы, — объясняет ифрит. — Я не хочу больше видеть страдания моего народа.

— Оставь их в покое, — я киваю в ту сторону, куда убежали люди. — Они покинули вашу территорию и ничего плохого тебе не сделали.

— Почему тебя так заботит то, что станет с ними? Ты больше не один из них.

— Чем меньше призраков убитых на моем попечении, — говорю я, — тем лучше.

С новой волной существо обвивается вокруг моих ног, стараясь утащить меня под воду. Но могущество Маута всегда на страже. Когда ифрит оставляет свои попытки, я точно уверен, будто он испытывал меня.

— Придет день, — шипит ифрит, — и ты пожалеешь о том, что произнес эти слова. Когда магия Маута больше не сможет справляться с криками в твоей голове — в тот день найди Силада, повелителя морских ифритов.

— Это ты?

Существо не отвечает, пеной оседая на песке, оставляя меня с промокшими до колен ногами.

Вернувшись в Лес, я перевожу на другую сторону дюжину призраков. Для этого я должен понять, разгадать причину их боли и гнева — только справившись с этими эмоциями, они могут уйти из нашего мира. Магия Маута снова наполняет меня, помогая быстро проникнуть в сознание страдающих.

Обычно с этой работой я справляюсь быстро. После чего я опять проверяю надежность границы Земель Ожидания, невидимой человеческому глазу. Деревья расступаются передо мной, под ногами у меня возникает тропа, такая же ровная, как имперская дорога.

С того момента, как я отдал себя во власть Маута, все происходит именно так. Когда я строил себе новый дом, рядом исправно появлялся строительный материал: аккуратно распиленные и отшлифованные доски, словно вышедшие из-под рубанка столяра. Меня не кусают ни насекомые, ни змеи, я не болею, каждый день без труда нахожу дичь для обеда. Этот Лес — физическое воплощение Маута. Для постороннего в нем ничего необычного нет, но, когда мне что-то нужно, Лес подстраивается под меня.

Лишь до тех пор, пока ты полезен ему.

И снова крики умирающих начинают звучать в моей голове, и снова мой взор заслоняют их лица, только на сей раз они не уходят.

Я шагаю по ветру, направляясь в сердце Земель Ожидания, — к роще джиннов, точнее, к тому, что от нее осталось.

Пока я не стал слугой Маута, я даже не приближался к этой роще — старательно обходил ее стороной. Но сейчас все изменилось — только здесь я могу забыть свои тревоги. Эта широкая выжженная равнина заканчивается крутым обрывом, у подножия которого лежит Город Джиннов. За темным зловещим городом-призраком, как змея, извивается мерцающая серебристая лента Сумеречной реки.

Я оглядываю обугленные стволы редких уцелевших деревьев — как одинокие часовые они застыли под проливным дождем. Прошло пять месяцев с того дня, как Князь Тьмы освободил джиннов, и с тех пор я не видел ни одного из этих существ. Даже здесь, в этом месте, некогда служившем им тюрьмой.

«... Ты... провожаешь до тюрьмы Кауф... помогаешь вызвать оттуда брата».

Эти слова вызывают у меня в памяти образ девушки с золотыми глазами. Сжав зубы, я направляюсь к самому мощному дереву — мертвому тису с черными ветвями. Ствол его сильно поврежден. У подножия дерева лежит железная цепь толщиной с мою ладонь — я украл ее из деревни Меченосцев.

Я поднимаю цепь, замахиваюсь и изо всех сил бью по стволу, сначала с одной стороны, потом с другой, и отметины становятся глубже. Всего через несколько минут у меня начинают болеть руки.

«Если мысли не подчиняются тебе, тренируй тело. Постепенно тревоги уйдут». Лишь небесам известно, кто сказал мне эти слова, но я цепляюсь за них последние

несколько месяцев, снова и снова возвращаясь в выжженную рощу джиннов, когда мысли заводят меня не туда.

Через полчаса я уже взмок от пота. Я сбрасываю рубашку, все тело болит, но это только начало. Потому что когда я выворачиваю из земли камни, бью цепью дерево и бегу по крутому откосу, который ведет вниз, к городу джиннов, лица и звуки, преследующие меня, постепенно отступают.

Тело — это единственное, что осталось во мне человеческого. Оно материально и страдает от голода и усталости. Наказывая его, я должен дышать определенным образом, двигаться определенным образом. Это заставляет меня сосредоточиться, помогает отогнать демонов, терзающих меня.

Исчерпав все возможности для самоистязания в роще джиннов, я тащусь к ее восточной границе, по склону туда, где протекает Сумеречная река, стремительная и особо коварная во время штормов. Я прыгаю в ледяную воду, и от нестерпимого холода у меня перехватывает дыхание, но я упрямо плыву к противоположному берегу, до которого четверть мили¹. Голова моя пуста — я сражусь со стылой водой и течением.

Я возвращаюсь на свой берег совершенно без сил, зато в голове у меня проясняется. Я готов встретиться с призраками, ожидающими меня среди деревьев. Больше того, находясь в воде, я почувствовал, что далеко на севере свирепствует смерть. Сегодня ночью у меня будет много работы.

Приближаясь к старому тису, чтобы забрать одежду, я вижу под деревом какую-то фигуру.

Маут вложил в мой мозг знания о Землях Ожидания — нечто вроде карты. Я сосредотачиваюсь и ищу

¹ Чуть больше 400 метров.

пульсирующую светлую точку, указывающую на присутствии смертного.

Но там ничего нет.

Прищурившись, я пытаюсь разглядеть неизвестного сквозь завесу дождя — может быть, джинн? Но нет — даже духи оставляют следы, их магия тянется за ними, подобно хвосту кометы.

— Ты вошел на Земли Ожидания, — говорю я. — Живущим запрещено пересекать границу этой страны.

В ответ я слышу только шелест дождя и завывания ветра. Фигура остается совершенно неподвижной, но я чувствую некое потрескивание в воздухе. *Магия.*

Передо мной встает лицо юной девушки. Черные волосы. Золотые глаза. Она умела пользоваться магией. *Но как ее звали? Кто она такая?*

— Я не причиню тебе зла, — говорю я осторожно, даже ласково, как будто обращаюсь к призраку.

— Правда, Элиас Витуриус? — отвечает неизвестный. — Даже сейчас? После всего, что произошло?

Элиас Витуриус. Это имя вызывает у меня в памяти множество картин. Военная школа, суровое, грозное здание из серого камня, бой барабанов. Хрупкая женщина в черной форме, с глазами, похожими на две льдинки. Какой-то голос кричит во мне: «Да. Элиас Витуриус! Вот кто ты такой!»

— Это не мое имя, — возражаю я.

— Напротив, оно принадлежит тебе, и ты не должен его забывать. — Пришелец говорит так тихо, что я не могу разобрать, кто передо мной. Мужчина или женщина. Взрослый или ребенок.

Это она! От волнения сердце колотится часто-часто. Запретные мысли переполняют голову. Назовет ли она мне свое имя? Простит ли она мне то, что я его забыл?

Из складок одежды появляются две иссохшие руки и откидывают капюшон. Кожа старика бледная, как отбе-

ленное полотно, глаза налиты кровью. Несмотря на то, что я многое забыл о том, кем я был, это лицо навсегда отпечталось у меня в памяти.

— Ты, — шепчу я.

— Да, Элиас Витуриус, — отвечает Пророк по имени Каин. — Я пришел, чтобы причинить тебе боль — в последний раз.

4: Лайя

Керис Витурия находится в Маринне, в нескольких шагах от меня. *Но как?* Мне хочется кричать. Всего несколько дней назад феи Мусы сообщили, что она в Серре.

Но какое это имеет значение, если у Керис есть могущественный союзник — Князь Тьмы. Он умеет перемещаться с ветром и, должно быть, он и перенес ее в Адису.

У меня шумит в ушах, но я заставляю себя дышать ровно, чтобы успокоиться. Появление Коменданта усложнило ситуацию. И все равно я должна сделать так, чтобы Никла покинула тронный зал и спряталась в своих покоях. У Книжников и Меченосцев в Дельфиниуме нет союзников, не хватает оружия, заканчиваются продукты. Если Никла не выслушает то, что хочет сказать ей Кровавый Сорокопут, у нас не останется никакой надежды.

Я бесшумно крадусь, чтобы подобраться ближе. Наследная принцесса королевства Мореходов сидит на своем массивном деревянном троне, ее спина неестественно прямая, лицо скрывается в тени. Темно-красное платье, кажется, ей тесно, широкие юбки стекают на пол подобно лужам крови. Позади трона застыли два стражника, еще восемь воинов выстроились справа и слева от принцессы.

Комендант в церемониальных доспехах стоит перед тронном. У нее нет оружия, нет короны. Но ей это не нужно. Преимущество Керис заключается в ее коварстве и жестокости.

Уставившись ей в затылок, я замечаю серебристый блеск — она носит рубашку из живого металла, которую когда-то украли у Кровавого Сорокопута. Меня поражает, какая Керис маленькая — гораздо ниже меня. Не зная о том, сколько зла она причинила людям, глядя на нее,

можно подумать, что перед тобой безобидная молодая девушка.

Я делаю еще шаг вперед, и тени, которые скрывают лицо Никлы, оживают и шипят. Гули, питающиеся болью и страданиями принцессы, вьются рядом, образуя вокруг нее демоническое свечение, которого она не видит.

— ... не в состоянии принять решение, — говорит Керис. — Возможно, мне следует переговорить с вашим отцом.

— Я запрещаю тревожить отца до тех пор, пока он не поправится, — резко обрывает ее Никла.

— Тогда соглашайтесь, принцесса. — Комендант разводит руками, словно не она, а кто-то другой произносит эти мерзкие слова. — Нападения на ваш народ прекратятся. Джинны отступят. Книжники лишь попусту истощают ваши ресурсы, и вы это знаете.

— Именно по этой причине я стараюсь сделать так, чтобы они покинули Адису. Однако то, о чем вы просите... — Принцесса качает головой.

— Я предлагаю избавить вас от забот о проблемной группе населения.

— То есть обратить всех Книжников в рабство.

Керис улыбается.

— Дать им цель в жизни.

От гнева у меня трясутся руки. Моя мать, Мирра из Серры, умела ловко взбираться по гладким стенам. Ну почему же и мне не передалась эта удивительная способность?! И тогда я прыгнула бы на Керис с высоты, застигнув ее врасплох.

Я сжимаю в руке кинжал — не тот, что я собиралась оставить на троне Никлы, а другой, который уже давно со мной. Когда-то мне подарил его Элиас. Кинжал очень острый, и лезвие его смазано ядом от гарды до острия. Я провожу кончиком пальца в перчатке по пло-

ской стороне клинка и, стараясь ступать беззвучно, приближаюсь к трону.

— А как же тысячи Книжников, которых вы перебили? — Никла резко поднимает голову — гули разлетаются по сторонам и раздраженно галдят. — Выходит, они прожили жизнь понапрасну? Вы действовали жестоко и цинично, Императрица. Откуда мне знать, что это не повторится?

— Число погибших сильно преувеличено, — возражает Керис. — Те, кого я казнила, были преступниками. Это были повстанцы и политические диссиденты. Вы сами отрелись от своего супруга из-за его высказываний, направленных против монархии. Мои методы просто более действенны...

Из-за трона показывается придворная дама, с мрачным лицом она наклоняется к Никле и что-то шепчет ей на ухо.

— Прошу прощения, Императрица, — произносит принцесса. — Меня ждет следующая встреча. Мы поговорим с вами утром. Стража проводит вас в отведенные вам комнаты.

— Если вы не возражаете, я бы хотела задержаться ненадолго здесь, чтобы оценить по достоинству ваш тронный зал. О его роскошном убранстве с восхищением говорят даже у нас в Империи.

Несколько мгновений Никла сидит совершенно неподвижно, стиснув резные подлокотники трона.

— Разумеется, — наконец произносит она. — Стража подождет вас в коридоре.

Принцесса с величественным видом удаляется, караул следует за ней. Я знаю, что должна отправиться туда же. Должна найти какой-нибудь другой способ напугать Никлу, чтобы она заперлась в своих комнатах.

Но я застыла на месте, уставившись на Коменданта. Передо мной убийца. Но нет, если бы все было так про-

сто. Это чудовище в обличье убийцы. Дьявольское создание, прикинувшееся человеком.

Она разглядывает купол из разноцветного стекла, на котором изображены корабли с яркими парусами, бороздящие бирюзовые моря Маринна. Я осторожно делаю шаг по направлению к ней. Скольких страданий можно было бы избежать, если б у меня хватило духу убить ее тогда, на окраине Серры, когда она лежала без сознания у моих ног!

Сейчас я могу прикончить ее одним ударом. Я невидима для нее. Я замираю, уставившись на ее шею, на синюю татуировку, частично скрытую воротником.

Грудь Керис приподнимается и опускается, напоминая о том, что, какие бы зверства она ни творила, это всего лишь человек. Она смертна, подобно всем нам.

— Твой единственный шанс — это удар в шею, Лайя из Серры, — негромко говорит Комендант. — Если только твоя цель не бедренная артерия. Но я проворнее тебя, так что у тебя вряд ли что-то получится.

Я бросаюсь на нее, но она реагирует на слабый шелест моего плаща. Когда наши тела сталкиваются, невидимость слетает с меня, и я уже на полу, а Комендант, сжимая коленями мои бедра, одной рукой крепко держит обе мои руки, в другой поблескивает кинжал Элиаса. Острие приставлено к моему горлу. Я даже не заметила, как она успела обезоружить меня.

Я непроизвольно съеживаюсь, но высокий ворот куртки защищает меня от яда, которым смазан кинжал. Перед глазами блестит серебристая кольчуга Керис. Она наклоняет голову набок, и ее змеиный взгляд гипнотизирует меня.

— Как ты умрешь? — спрашивает она. — В бою, как твоя мать? Или в страхе, как моя? — Ее пальцы стискивают рукоять.

Говори, отвечай ей. Пусть она продолжает болтать.

— Не смей... — хрипло выдавливаю я, когда она прижимает лезвие к моему горлу. — Не смей упоминать о моей матери... произносить ее имя своим грязным языком... ты... ведьма...

— Не понимаю, почему это так волнует тебя, девочка, — говорит она. — Я всегда зна... знала...

Внезапно кинжал соскальзывает с моей кожи, зрачки Керис расширяются, и она начинает кашлять. Сбрасывая ее, я откатываюсь в сторону. Комендант бросается за мной, но, пошатнувшись, промахивается. И я позволяю себе улыбнуться. Руки ее теряют чувствительность. Отнимаются ноги. Я знаю, что с ней происходит, потому что испытывала яд на себе.

Керис замечает мои перчатки — слишком поздно. Слишком поздно она выпускает из пальцев кинжал Элиаса, оставившись на его рукоять: до нее наконец-то доходит, как я ухитрилась ее отравить. Проглотив яд, она была бы уже мертва. Но он проник в ее кровь через кожу, воздействуя на ее органы чувств и реакции. И я получаю преимущество. Комендант пятится, когда я рывком достаю из сапога длинный кинжал.

Но Керис Витурия сражается всю свою жизнь. Инстинкты ее включаются, и когда я делаю выпад, целясь в незащищенное горло, то получаю ответный удар прямо в солнечное сплетение, и сгибаюсь пополам. Оружие со звоном падает на пол, и я вытаскиваю последний нож. Керис бьет меня по запястью, и клинок с грохотом падает на камни.

За дверью слышны голоса. Стражники.

Воспользовавшись секундной заминкой, я опять замахваюсь, но Комендант отшвыривает меня в сторону с такой силой, что я врезаюсь в трон. В голове все плывет, и я сползаю к его подножию. Керис открывает рот, чтобы позвать стражников — похоже, впервые за всю ее жизнь, Коменданту понадобилась чья-то помощь. Но яд парали-

зовал голосовые связки тоже. Еще несколько секунд она пытается удержаться в вертикальном положении и наконец валится на пол, раскинув руки и ноги.

Сейчас или никогда, Лайя. Во имя неба, где мои клинки? Я готова задушить ее голыми руками, но она в любой момент может очнуться. Керис отключилась на минуту, не больше. Мне нужно оружие.

Из-под трона торчит рукоять кинжала Элиаса. Но в тот момент, когда я, еще не успев отдышаться, хватаю его, невидимая рука отбрасывает меня назад, как тряпичную куклу.

Я налетаю на кварцевую колонну. Перед глазами снова все плывет, но мне удается сфокусировать взгляд на фигуре того, кто направляется ко мне. Это не Комендант, и еще секунду назад в зале никого не было.

Бледное лицо. Темный плащ. Ласковые карие глаза. Веснушки на милом, добром лице. Огненно-рыжие волосы. Но огонь внутри него пылает еще ярче.

Я знаю, что за существо передо мной. Знаю. Но не «Князь Тьмы», «джинн» или «враг» вспыхивает у меня в голове.

Кинан. Друг. Возлюбленный.

Предатель.

Беги, Лайя! Но тело отказывается повиноваться. Горячая кровь струится из раны на виске, я чувствую на губах ее соленый привкус. Все мышцы болят, ноги жжет огнем, как когда-то после наказания плетью. Боль обвивает мое тело, словно веревка, сжимается все теснее и теснее.

— Т-ты, — вырывается у меня сдавленный возглас. Зачем он принял этот облик? Зачем? Ведь до сих пор он избегал этого!

Потому что ему нужно, чтобы ты растерялась и утратила бдительность, дура!

Меня окутывает аромат лимона и древесного дыма, такой знакомый, пусть я упрямо пыталась его забыть.

— Лайя из Серры. Как приятно встретиться с тобой снова, любовь моя.

Голос у Кинана низкий, приятный. Но это не Кинан, напоминаю я себе. Это Князь Тьмы. После того, как я влюбилась в него, после того, как в знак этой любви я подарила ему браслет своей матери, он предстал передо мной в своем истинном облике. Браслет оказался давно утерянным осколком Звезды — амулетом, способным освободить его собратьев. Когда он получил то, что хотел, я стала ему не нужна.

Князь Тьмы прикасается к моей руке, чтобы помочь мне встать, но я отталкиваю его и кое-как поднимаюсь на ноги сама.

Когда я в последний раз видела его в образе смертного? Прошел уже год, даже больше. Только теперь я понимаю, как мне везло до сих пор. Этот заботливый взгляд темных глаз. Эта нежность. И под всем этим скрывается мерзкое создание, и его единственная цель — уничтожить меня.

Комендант скоро придет в себя. Я не боюсь Князя Тьмы — он не может убить человека, прикасавшегося к частице Звезды. Но для Керис Витурии такой проблемы нет.

— Будь ты проклят.

Я смотрю на Керис. Если бы только сейчас я могла добраться до нее...

— Я не могу позволить тебе причинить ей вред, Лайя, — почти извиняющимся тоном произносит Князь Тьмы. — Она служит определенной цели.

— Будь проклят ты и твои цели!

Джинн бросает быстрый взгляд в сторону дверей.

— Не стоит так кричать. У стражников появились более важные дела в другом месте.

Он опускается на пол рядом с Керис, берет ее руку, чтобы нащупать пульс, осматривает ее, и все это с нежностью, которая приводит меня в неистовство.

— Ты желаешь ей смерти, Лайя из Серры. — Князь Тьмы поднимается и подходит ко мне. — Потому что Керис — источник всех твоих бед. Она расправилась с твоей семьей и превратила твою мать в детоубийцу. Она уничтожает твой народ, несет людям горе и смерть. Ты готова на все, чтобы остановить ее, верно? А теперь подумай, так ли сильно ты отличаешься от меня.

— Не смей сравнивать меня с *собой*...

— Мою семью тоже убили. Моя жена погибла на поле боя. Моих детей лишили жизни при помощи соли, стали и летнего дождя. Моих сородичей безжалостно истребляли, а тех, кто остался в живых, заключили в тюрьму.

— Это сделали люди, которые умерли тысячу лет назад! — кричу я.

К чему все эти разговоры? Он пытается выиграть время, пока не очнется Комендант. Он думает, я слишком глупа, чтобы разгадать его намерения.

Меня охватывает ярость, по жилам моим течет огонь, заставляя забыть о боли, забыть о Коменданте. Все становится алым, внутри у меня ревет тьма — то дикое существо, пробудившееся год назад, стоило мне расстаться с браслетом. Та неукротимая стихия, что вырвалась из меня в Сумеречном Лесу, когда я думала, что джинн убьет Элиаса.

Князь Тьмы бросает на меня злобный взгляд, лицо его искажает страшная гримаса, в нем не осталось ничего человеческого.

— *Что ты такое?* — шипит он, повторяя вопрос, который уже задавал мне когда-то.

— Ты не победишь. — Я не узнаю собственный голос, это рычание исходит из некоей древней, изначальной силы, что живет в моей душе. — Твоя месть стоила жизни

слишком многим. — Я приближаюсь к нему вплотную, смотрю в знакомые глаза, и воздух наполняется моей ненавистью. — Мне наплевать, чего это будет стоить мне самой, и сколько придется ждать. Но я одолею тебя, Князь Тьмы.

Воцаряется долгая тишина, как в склепе. Минуты тянутся одна за другой.

И тут в мои уши врывается чудовищный вопль, от которого лопаются барабанные перепонки. Крик не стихает. Витраж у меня над головой со звоном раскалывается, в троне появляются трещины. Я зажимаю уши руками. Что это?! Откуда исходит этот жуткий вопль?

«Это я! — приходит внезапное осознание. — Я кричу. Только это не я. Это нечто внутри меня».

И в тот же момент моя грудь словно раскалывается, и столб темного света со страшным ревом вырывается наружу, устремляясь на волю после долгого заточения. Я пытаюсь остановить это, удержать это внутри.

Но оно слишком могущественно. Я слышу торопливые шаги, мелькает женское лицо — глаза обведены черным. Звенят монеты — я вспоминаю этот звук. Головной убор *йадуна*.

Мне нужно бежать — если я попадусь, все будет кончено.

Но я падаю на колени, и мир вокруг меня становится белым.

5: Ловец Душ

При виде лица Пророка нечеловеческая ярость захлестывает меня. Точно некое животное разрывает мои внутренности, пытаюсь выбраться наружу.

— Мне не нужен твой гнев, Ловец Душ. — Схватив за плечо, Пророк резким движением тянет меня к себе, и я скольжу по раскисшей от дождя земле. — Мне нужно, чтобы ты меня выслушал.

Призраки чувствуют присутствие Каина и оглушительно вопят — такое впечатление, что в Лесу их не десятки, а сотни. Магия Маута приходит на помощь, заглушая крики, усыпляя мой гнев. Я сбрасываю руку старика.

— Ты беспокоишь призраков, Пророк, — говорю я. — Живые как проклятие для них.

— Живые! Ты называешь это тело *живым*? — Его смех подобен звуку камней, что перекатываются внутри его грудной клетки. — Если бы только Князь Тьмы просто прикончил меня вместе с остальными Пророками. Но я бежал из его тюрьмы, и этого он не ожидал, это точно.

— Бежал? — Вот уже пять месяцев мы с джиннами старательно избегали друг друга, и я не имею ни малейшего желания связываться с ними сейчас. — Что значит: «бежал»?

— Они будут здесь с минуты на минуту. Времени мало — слушай внимательно.

— А у меня вообще его нет. Тебе *нельзя* здесь находиться. — Очередная волна слепящей злобы накатывает на меня, но я терпеливо жду. Жду, когда ярость отступит, когда Маут справится с ней.

Проходит несколько секунд, но спокойствие не возвращается. «Маут!» — мысленно взываю я.

— Твой хозяин сейчас занят другими делами, — сообщает Каин. — Сражается с монстром, которого сам же

и породил. — На губах Пророка появляется горькая ухмылка, и он оглядывается на Город Джиннов, укрытый туманом. — Призраки наших злодеяний взывают о мести. Я сказал тебе это давным-давно. И это истинная правда. Никому не дано избежать расплаты за свои грехи и ошибки, Элиас. Даже Мауту.

— Маут — не добро и не зло, — возражаю я. — Смерть — это не хорошо и не плохо. Смерть есть смерть.

— Смерть приковала тебя к этому месту. Неужели ты не видишь? — Каин тянет ко мне свои крючковатые пальцы, и рошу джиннов озаряет странный свет — золотой, в сердце которого мне чудится тень.

Свет настолько ослепителен, что я не сразу могу определить его источник. Но когда он тускнеет, я моргаю и теперь могу рассмотреть, что тысячи веревок опутывают мое тело, привязывая меня к земле.

— Ты должен бежать из этого места. Скажи мне, *Ловец Душ*, что ты видишь во сне?

В мозгу мелькают смутные картины: воительница, женщина с ледяным взглядом, златоглазая девушка. Я произвольно сжимаю руки в кулаки.

— Я вижу... я...

Со стороны Города Джиннов несется зловещий вой. Я бы решил, что это волк, если бы не первобытная ненависть, наполняющая этот звук. И вот к нему присоединяются другие, и от этого «хора» у меня волосы шевелятся на голове. Каин вздрагивает и подходит ближе.

— Джинны почуяли мой запах, — шепчет он. — Скоро они будут здесь. Слушай меня внимательно. Ты видишь во сне войну, так? Армию, пробивающуюся сквозь стену огня. За этой стеной — земля, покрытая прекрасными цветами. И над всем этим — широко разинутая голодная пасть. Воронка, которая пожирает все вокруг, и это будет продолжаться вечно.

— Значит, это ты пытаешься свести меня с ума?

— Мальчик, неужели Маут позволил бы мне копаться у тебя в голове? Он сковал тебя цепями, посадил в клетку, запер на замок. Не я насылаю на тебя эти сновидения. Ты видишь их потому, что они говорят правду. Потому, что некая часть твоего прежнего «я» до сих пор жива. Она кричит, она жаждет свободы.

— Ловцу Душ не нужна свобода...

— А Элиас Витуриусу — нужна, — перебивает меня Каин, и я вдруг обнаруживаю, что не в состоянии пошевелиться. Звук этого имени гипнотизирует меня. *Мое имя. Мое прежнее имя.* — Элиас Витуриус все еще жив. И он обязан жить. Близится Великая Война, и не Ловец Душ выиграет ее, а Элиас Витуриус. Уголек в пепле — это Элиас Витуриус, а не Ловец Душ. Не Ловец Душ снова вспыхнет и будет гореть, уничтожая и разрушая. *Это делает Элиас Витуриус.*

— Элиас Витуриус мертв, — говорю я. — А ты нарушитель. Земли Ожидания ограждены стенами не просто так...

— Забудь о стенах. — Лицо Каина становится страшным. — Призракам угрожает опасность. Существуют силы более могущественные, нежели сама смерть...

Вой раздается снова, заглушая шум дождя и порывы ветра. Я знаю, что магия Маута уберезет меня — она уже окутывает мое тело, точно щит защищая от ярости джиннов.

Но я сейчас не думаю о джиннах. Призраки — мои подопечные, и если что-то является для них угрозой, я обязан узнать, что это. Десяток вопросов теснится у меня в голове. И мне необходимы ответы на эти вопросы.

— «Забудь о стенах» — что ты имел в виду? — Я хватаю старика за руку, нависаю над ним, заглядываю ему в лицо. — О какой опасности ты говорил?

Но он не смотрит на меня — взгляд его прикован к фигурам, выступающим из темноты. Глаза существ пылают, словно крошечные солнца, сверкают сквозь завесу дождя.

— Этот старик наш, Ловец Душ, — доносится до меня злобное шипение. Женщина-джинн выступает вперед, в руке у нее глефа. — Верни его нам, — приказывает она, — иначе наш гнев обрушится на тебя.

6: *Кровавый Сорокопут*

Принцесса Никла не бежит в свои покои. И сигналов тревоги я тоже не слышу.

Она спокойно идет по длинному коридору, в котором я подстерегаю ее. Массивные резные двери главной столовой — и это не место, где Никла должна была оказаться, — совсем рядом, напротив лестницы из черного дерева, которую я старательно полирую.

«Во дворце служит дюжина Меченосцев, — рассказывал мне Пчеловод. — Твое присутствие никого не удивит, но все равно постарайся не высовываться. Когда Лайя выполнит свою задачу, и Никла запрется в спальне, я пришлю сообщение с феями. Они проведут тебя к принцессе».

Если Лайя обещает что-то сделать, она это делает. Я молюсь, чтобы она осталась жива. Иначе Книжники Дельфиниума оторвут мне голову.

А еще я успела к ней привязаться.

В кармане у меня что-то шуршит — это феи принесли свиток. Я опускаюсь на пол, притворяясь, что заметила царапину на перилах, и читаю в спешке нацарапанное послание.

«Керис Витурия во дворце».

Я не успеваю осмыслить эту новость, сообразить, каким образом Комендант оказалась здесь — и почему феи Мусы умудрились это прохлопать, как вижу принцессу. Она останавливается у дверей — нас разделяет метра три, не больше, — из-за которых доносятся голоса. Сейчас она окажется в зале в окружении придворных и выйдет отсюда лишь через несколько часов.

Сделай что-нибудь, Сорокопут. Но что я могу сделать? Похитить ее? Перебить охрану? Моя цель — заключить с Никлой договор, а не начать войну.

Пропади все пропадом. Я же говорила Ливии: нужно отправить сюда дипломата. Авитас Харпер превосходно справился бы с этой ролью. Пусть бы она отрядила его в Маринн, а мне позволила остаться в Дельфиниуме. Я смогла бы сосредоточиться на Гримарре и на карконских дьяволах. Я была бы избавлена от присутствия Харпера и сводящего с ума желания, которое охватывает меня всякий раз в его присутствии, от которого у меня путаются мысли и заплетается язык.

Но нет. «С представителями королевской семьи Маринна должен говорить человек, который сражался за Антиум, — сказала мне Ливия. — Тот, кто видел и знает, что творит там Гримарр».

При одной мысли об этом у меня вскипает кровь. Четыре недели назад люди Гримарра напали на караван с припасами, направлявшийся в Дельфиниум. Вместо мешков с зерном Гримарр велел отправить в город руки и ноги Меченосцев и Книжников, отрубленные во время кровавого ритуала. Один из его воинов спрятался в фургоне и напал на меня с криком: *«Ик тахк морт фид инникант фи!»*. Я вспорола ему брюхо, не дожидаясь перевода.

Узнав об этом инциденте, Отцы патрицианских семей Дельфиниума пришли в ужас. У них все меньше желания поддерживать нас, а карконы грабят и жгут столицу моего народа. Нам *жизненно необходим* этот союз.

И вот я в чужом дворце, стою в нескольких шагах от наследной принцессы Маринна — такой наглости и бесцеремонности могли бы позавидовать портовые шлюхи Навиума. У меня нет боевых доспехов. Нет маски. Лишь краденая форма служанки и я сама, чье лицо покрыто шрамами.

Принцесса не заходит в зал. Она стоит перед закрытой дверью и рассматривает вырезанные на деревянных створках морские раковины, рыб и папоротники, словно видит все это в первый раз. В глазах мелькает паника.

Мысль о том, чтобы стать Императрицей и управлять государством Меченосцев — и оказаться объектом политических дрязг и ожиданий, неизменно связанных с этим высоким титулом, — приводит меня в ужас. Возможно, Никла испытывает сходные чувства.

Одна из стражниц негромко кашляет. Половина воинов, виденных мной здесь, — женщины. Империи не помешало бы брать в этом пример с Мореходов. Я приглядываюсь к женщине-стражу: высокая, смуглая, с худым ястребиным лицом.

— Ваше высочество, это был длинный день. Возможно, стоит послать к ним придворную даму с извинениями.

— Вы превышаете свои полномочия, лейтенант Элейба, — резко перебивает ее Никла и расправляет плечи. — Я снова включила вас в свою личную охрану лишь по требованию отца. Не стоит... — С этими словами принцесса оборачивается и замечает меня. — Ты, — бросает она. — Я тебя здесь раньше не видела...

Не убивай стражников, черт бы тебя побрал, Сорокнут. Союз, а не война. Я бросаюсь к принцессе, которая пятится назад и спотыкается, запутавшись в юбках. Прежде чем кто-либо из воинов успевает открыть рот, как я выхватываю кинжал и его рукоятью бью в лоб ближайшего стража, и тот расплывается у стены.

Подхватываю копьё, которое вываливается у него из пальцев, целюсь вслепую тупым концом в лицо другому стражу у меня за спиной. Глухой стук упавшего тела говорит мне, что я попала точно в мишень. Потом я просовываю копьё в дверные ручки, чтобы никто не смог выйти из зала.

Элейба тянет принцессу за руку, увлекает ее за собой и пронзительным голосом зовет на помощь. Третий солдат, тоже женщина, нападает на меня, но я быстро ее обезоруживаю и бью плашмя ее же мечом. И пока она летит на пол, я швыряю нож в Элейбу.

Клинок вонзается ей в плечо, она спотыкается.

— Бегите, принцесса! — кричит она, но ни одной из них не под силу убежать от меня.

Я замечаю сбоку дверь. Если верить плану дворца, который нарисовал мне Муса, она ведет в небольшой зал для аудиенций. Я толкаю Никлу и Элейбу в сторону двери.

— Заходите. — Я сопровождаю свои слова кивком. Элейба что-то злобно рычит, но мой взгляд прикован к лицу принцессы. — Вы знаете, кто я?

Прищурившись, Никла кивает.

— Значит, вы понимаете, что, если бы я хотела вас убить, вы обе были бы уже мертвы. Я здесь не для того, чтобы убивать. Мне просто нужно поговорить с вами, принцесса. Прикажите своей стражнице оставить нас.

— Только через мой труп, — хрипит Элейба. — Принцесса... бегите...

Я делаю вид, что роняю меч, и в тот миг, когда Элейба непроизвольно отводит взгляд, я бью ее кулаком в лицо. Стражница шлепается на пол, как куль с мукой.

— Заходите. — Я касаюсь острием меча горла Никлы. Из-за угла доносится топот стражников. — *Быстрее*, принцесса.

Лицо ее искажает гримаса ненависти, но она пьтится в сторону приоткрытой двери. Оказавшись внутри, я закрываю дверь на засов и приказываю себе не обращать внимания на вопли, доносящиеся из коридора.

После чего перехватываю меч и подаю его принцессе рукоятью вперед.

— Жест доброй воли. Как я уже сказала, мне просто нужно поговорить.

Никла берет меч жестом человека, обученного обращаться с оружием, и приставляет острое к моему горлу. Мы меняемся ролями. Где-то далеко звонят колокола: боевая тревога. Через несколько минут стражники выломают дверь.

— Что же, девчонка, — бросает она. — Что нового может сказать мне Кровавый Сорокопут, что состоит на службе у самозванца?

— Я знаю, что Керис предлагает союз, но ей нельзя доверять, — начинаю я. — Она отдала во власть врагам целый город, предала своих соотечественников, и все ради того, чтобы стать Императрицей. Десятки тысяч людей были брошены на расправу карконам, и к этому привела ее ненасытная жажда власти.

— Я не вчера родилась. И доверять вашей императрице было бы глупостью.

Я слышу это слово, и глаза заволакивает алой пеленой.

— Эта женщина, — слышу я собственное шипение, — *не* моя императрица. Это ядовитая змея, и заключать с ней союз — роковая ошибка.

— Керис предлагает мне договор, благодаря которому атаки джиннов на деревни Мореходов прекратятся, — пожимает плечами Никла. — Ты можешь гарантировать мне то же самое?

— Я...

Мне нужно время подумать. Совсем немного. Но острое меча не дает мне дышать и уж тем более найти решение. Все, чему нас учили на уроках риторики, вылетело у меня из головы. «Был бы здесь Элиас», вдруг вспыхивает у меня в голове. Он мог разжалобить даже камень.

— Эти нападения совершают воины Керис, — отвечаю я. — Она действует заодно с джиннами. Мы могли

бы сражаться с ними, если бы ваши силы объединились с моей армией.

— Какой еще армией? — Никла со смехом опускает меч. Не потому, что устала его держать — она больше не боится меня. — У тебя даже не хватит провизии, чтобы твои люди продержались до наступления весны. Ты ду-рочка, Кровавый Сорокопут. Я не в состоянии ввязываться в войну с Керис и ее сверхъестественными союзниками. Мне остается лишь заключить с ней сделку. Советую тебе сделать то же самое.

— Лучше умереть.

— Тогда ты умрешь. — Воины Никлы ломаются в дверь, выкрикивая ее имя. — Через несколько секунд от мечей моих стражников. Или позже, от руки своей императрицы.

«Она не моя императрица!»

— Керис — это воплощенное зло, но я хорошо знаю ее. — Я все еще надеюсь. — Я могу с ней справиться. Мне всего лишь нужно...

Треск дерева не дает мне договорить. Никла задумчиво изучает меня. Так до нее не достучаться. Возможно, стоит ей пригрозить ...

В этот момент по дворцу разносится пронзительный, леденящий душу вопль. Такой громкий, что я съеживаюсь и зажимаю ладонями уши, почти забыв о Никле, которая, выронив меч, повторяет мое движение. Удары в дверь прекращаются, и за дверью нарастает беспорядочный шум. С грохотом разлетается окно, и вот уже пол засыпан стеклами. А вопль все не стихает.

У меня мурашки бегут по коже, и где-то внутри пробуждается моя целительная магия, не находя себе места, точно щенок во время грозы.

Лайя. С ней что-то не так. Я это чувствую.

Крик обрывается так же неожиданно, как начался. Никла выпрямляется, дрожа всем телом.

— Что это...

Дверь, наконец, слетает с петель, и в комнату врываются стражники в главе с Элейбой.

— Керис скоро предаст вас, принцесса. — Пролетая мимо Никлы, я подхватываю меч. — Если останетесь в живых, и вам понадобится настоящий союзник, пошлите гонца ко мне в Дельфиниум. Я буду ждать.

Я низко кланяюсь принцессе, потом бегу к разбитому окну, взбираюсь на подоконник и прыгаю вниз.

7: Лайя

Я не одна. Я чувствую это, даже провалившись в забытьё. Даже в этом странном синем пространстве, где у меня нет тела.

Я не одна, но это создание не рядом со мной. Оно *во мне*.

В моем сознании присутствует что-то постороннее — или *кто-то*.

«Я всегда была здесь, — произносит чей-то голос. — Я просто ждала».

— Ждала? — повторяю я, и голос мой еле звучит в этой бескрайности. — Чего ждала?

«Ждала того момента, когда ты разбудишь меня».

«А теперь очнись».

«Очнись».

— Очнись, Лайя из Серры.

Я с огромным трудом поднимаю веки, чувствуя нестерпимое жжение, будто кто-то бросил мне в лицо пригоршню песка. Лампа светит мне прямо в лицо, и пять женщин, чьи глаза густо обведены черной краской, стоят вокруг кровати, на которой лежу я. На них вышитые платья с широкими юбками, в волосы вплетены нити золотых монет, и такие же подвески украшают их лоб.

Йадуна. Колдуньи и верные союзницы короля и принцессы.

О *небо*. Я медленно приподнимаюсь на локтях, словно одурманенная, и одна лишь мысль бьется у меня в мозгу: нужно выбираться отсюда к чертям.

Эта комната на втором или третьем этаже виллы, и ее хозяин — определенно Мореход. Пол устлан шелковыми коврами ярких цветов, повсюду ширмы с орнаментом в виде звезды. Из арочного окна видны стены дворца, освещенного тысячами светильников. Однако непрерыв-

ный звон тревожного колокола мешает оценить такую красоту.

Делая вид, что еще не пришла в себя, я откидываюсь на подушки. Затем напрягаю все мышцы, спрыгиваю на пол, расталкиваю женщину, бросаюсь к открытой двери — я уже совсем рядом с ней...

Дверь захлопывается у меня перед носом. Йадуна тащат меня назад, а когда я пытаюсь кричать, из горла вырывается жалкий хрип. Я призываю на помощь свою невидимость, но тщетно. Должно быть, Князь Тьмы еще в городе, потому что, как я ни стараюсь задействовать магию, у меня ничего не получается.

Йадуна усаживают меня в кресло, продолжая удерживать меня в нем. Я не делаю попыток вырваться. Еще рано.

— Вы... вы следили за мной, — говорю я.

— Успокойся, Лайя из Серры. — Я узнаю женщину, которая обращается ко мне. Когда-то она дала мне книгу — в тот день, когда сгорела Великая Адисская Библиотека. — Мы не желаем тебе зла. Мы спасли тебя от Мехе...

— Молчи, А'вни! — Старшая из женщин бросает гневный взгляд на А'вни, потом поворачивается ко мне и сверлит меня своими темными глазами. — Посмотри на меня, девочка, — приказывает старуха.

Я не желаю повиноваться, но голос ее заставляет меня подчиниться. Что это за магия? Может быть, ее тоже коснулся ифрит? Я против воли поднимаю голову и в ту же секунду, крепко вцепившись в подлокотники кресла, пытаюсь пнуть колдунью.

— Держите ее!

— Дарью... — протестует А'вни, но Дарью отмахивается от нее и продолжает смотреть на меня в упор.

Темно-карие глаза, обведенные черным, отливают золотом. Воля к борьбе покидает меня. Она загипнотизировала меня. Мне не вырваться.

— Мы не желаем тебе зла, — повторяет Д'арью. — Если бы мы хотели твоей смерти, оставили бы тебя Князю Тьмы.

Она не ждет ответа, но я усилием воли пробиваюсь сквозь ее чары и кое-как выговариваю:

— Чтобы он смотрел, как Керис медленно убивает меня?

— Он охотится за тобой не для того, чтобы убить, — объясняет Д'арью. — Он хочет проникнуть в твоё сознание и понять, что живет внутри тебя.

Я пытаюсь не выдавать охватившей меня тревоги. *Что живет внутри меня?*

— Это древняя магия, дитя, — отвечает Д'арью на мой невысказанный вопрос. — Магия, которая тысячу лет ждала появления смертного, у кого достанет силы ее разбудить. — Женщина улыбается, и я вижу выражение свирепого ликования на ее лице. И начинаю ей доверять. — Я думала, это будет Мирра из Серры. Или Исадора Телуман, а может быть, Ильдизе Мози. Но...

— Но даже древние могут ошибаться, — лукаво замечает А'вни, и другие йадуна хихикают.

Я ожидаю, что Д'арью сердито прикрикнет на них, но она снова улыбается. Внезапно до меня доходит смысл ее слов.

— Ты... ты знала мою мать?

— Знала ли я ее? Я обучала ее, точнее, пыталась обучать. Она терпеть не могла выполнять чужие указания. Ильдизе была более покладистой, хотя, возможно, потому что сама была из Мореходов. С Исадорой я не была знакома — но какой силой обладала эта девушка! — Д'арью негромко присвистывает. — К сожалению, Империя добралась до нее раньше нас.

У меня голова идет кругом.

— Могущество, — лепечу я. — Ты говоришь о могуществе, исходящем от ифритов?

Дарью презрительно усмехается.

— Если твоя сила дарована ифритом, тогда я джинн. А теперь молчи. Дай мне выполнить свою работу.

Старая колдунья снова заставляет меня взглянуть ей прямо в глаза, и мне кажется, что она проникает в мои мысли, а потом медленно, с трудом вытягивает что-то из меня. Как будто некая часть моего сознания тысячу лет покоилась на дне болота, а теперь, наконец, возвращается к свету. Когда *это* всплывает на поверхность, я обнаруживаю, что меня саму задвинули куда-то в темный угол моего собственного мозга.

— Мир тебе, Рехмат. — Голос Дарью слегка дрожит, и я сразу же понимаю, что, глядя на меня в упор, она обращается вовсе не ко мне. — Твои слуги здесь. Наш обет исполнен.

— Да пребудет мир с вами, йадуна. Вы совершили то, что должно. Я освобождаю вас от обетов.

Эти слова говорю я. Я чувствую, как шевелятся мои губы. Но низкий голос принадлежит не мне. Я никогда в жизни не употребляла слова «пребудет». Более того, это не голос человека. Он напоминает шум песчаной бури — если бы песчаная буря умела говорить на древнем языке Серры.

— Значит, это и есть наша воительница, — произносит Рехмат, переходя на обычный язык. — Воплощение той жертвы, которую вы принесли сотни лет назад.

— Нельзя считать жертвой наше согласие поселить тебя среди нашего народа, о великая, — почтительно говорит Дарью.

— Сто йадуна приняли мое могущество целиком и полностью. — Голос Рехмат сейчас больше напоминает рычание, реагируя на попытку ей возразить. — Это

был самоотверженный поступок. Вы не знали, как это подействует на ваших детей и их потомков. Но это случилось. Теперь я живу в сознании тысяч.

— Я должна признаться тебе, о великая, — говорит Дарью, — я не думала, что именно Лайя из Серры разбудит тебя. Кровавый Сорокопут, как мне кажется, больше подходит на роль великого воина, а может быть, Пчеловод. Или даже кузнец Дарин.

— Или Авитас Харпер, — замечает другая йадуна. — Или мальчишка Тас, убийца демонов.

— Но ни один не смог бросить вызов Князю Тьмы. Лайя сделала это. Возрадуйтесь! — восклицает Рехмат, — ибо дорога открыта. Теперь наша юная воительница должна пройти ее до конца. Но если ей предстоит победить Мехерью, я не могу жить в ее сознании.

Мехерья. Князь Тьмы.

Дарью энергично качает головой.

— Она должна быть с тобой единым целым...

— Она должна *выбрать* меня. Если сокол отказывается взлететь, может ли он парить в поднебесье?

На сей раз подает голос А'вни, с силой сжимая руки, чтобы они не дрожали.

— Но... но ни один сосуд не может выдержать твое присутствие, великая.

— Мне не нужен сосуд, дитя. Лишь проводник.

О небо. Это мне совсем не нравится. Я напрягаю последние силы, чтобы вернуть контроль над собственным телом и сознанием. Но и то, и другое по-прежнему остается во власти этого голоса. *Рехмат.* Странное имя, я никогда прежде его не слышала.

— Она испытает боль? — спрашивает А'вни. Если бы она не помогла похитить меня, я, наверное, поблагодарила бы ее за заботу.

— Я живу в ее крови, — голос Рехмат звучит почти печально. — Да. Ей будет больно. Держите ее.

— Что, во имя неба... — На долю секунды я прихожу в себя и начинаю яростно отбиваться. А'вни морщится, но помогает остальным колдуньям держать меня.

Когда голос Рехмат звучит снова, слова обращены только ко мне: *«Я сожалею, молодая воительница»*.

В следующий миг меня словно швыряют в огонь, и он лижет мое тело, с меня точно сдирают кожу живьем и посыпают ее солью. Если бы я могла кричать, я не смогла бы остановиться. Но йадуна запихнули мне в рот кляп, и я лишь извиваюсь всем телом. В чем я провинилась, чем заслужила такие пытки? Похоже, мне приходит конец.

От моего тела отделяется полупрозрачный силуэт, смутно напоминающий человеческий. Я вдруг вспоминаю тот день в кузнице Спирос Телумана, в Серре, когда гули приняли облик моего брата, чтобы вселить в меня страх. Но нет, тот призрак был соткан из ночной тьмы, а это существо похоже на солнечный луч.

Я не могу пошевелиться, лишь шурю, глядя на ослепительное видение, пытаюсь его рассмотреть. Но это существо не имеет пола, не имеет возраста. Оно вспыхивает в последний раз, и, наконец, свечение тускнеет.

Дарью падает на колени перед видением. Когда оно протягивает колдунье сияющую руку, пальцы женщины проходят сквозь нее. Кем бы ни было это создание, Рехмат, оно бесплотно.

— Поднимись, Дарью, — приказывает Рехмат тем же глубоким, рокочущим голосом. — Забирай своих сестер и уходи. Сюда идет человек.

Я пытаюсь сесть прямо, но ничего не получается. «Какой еще человек?» — хочу я спросить, но изо рта вырывается лишь нечто вроде «Пфффф».

Йадуна молча покидают комнату, но А'вни задерживается на пороге.

— Может быть, мы сумеем ей помочь, Рехмат? — спрашивает она. — Ей предстоит сражаться в одиночестве.

— Ты очень добра, и это похвально, А'вни, — отвечает Рехмат. — Не бойся. Наша юная воительница не одинока. Есть другие, чьи судьбы сплетены с ее судьбой. Они станут ее доспехами и ее щитом.

Я не слышу ответа А'вни. Я моргаю и внезапно обнаруживаю, что йадуна исчезли. И Рехмат тоже. Я не чувствую ни изнеможения, ни слабости, и боль, раздиравшая мое тело еще минуты назад, почти утихла. Я все еще в той же комнате. Вот туалетный столик, на котором поблескивают драгоценности. Похоже, здесь и живут йадуна.

Было ли это сном? Тогда как я попала в эту комнату? Почему после сражения с Комендантом и Князем Тьмы на моем теле ни царапины?

Забудь об этом. Выбирайся отсюда.

По городу все так же разливается гул набата, на улице вопят так громко, что даже через закрытые ставнями окна можно различить слова:

— Обыщите соседние улицы. Найдите их!

Дверь с шумом распахивается, и на пороге застывает женщина. Я падаю на пол и, прячась за креслом, нащупываю кинжал. В этот момент женщина откидывает со лба капюшон.

— Лайя! Клянусь преисподней. — Кровавый Сорокопут успела переодеться в кожаный камзол и штаны, какие носят Мореходы, и уже похожа на себя прежнюю. — Я тебя повсюду ищу. Что произошло?

— Я... меня...

«Похитили йадуна, потом совершили надо мной какой-то обряд... из меня вылезло что-то, но сейчас оно исчезло, и я понятия не имею, что все это значит».

— Неожиданно появился Князь Тьмы, — бормочу я. — Я сбежала через окно.

Сорокопут одобрительно кивает.

— И у меня все то же. Я имею в виду окно. По дороге расскажешь подробности. Нужно встретиться с нашими у ворот. Здесь повсюду охрана...

Заметив цветную искорку, я поднимаю руку: прилетела одна из фей Мусы. Мне в ладони падает свиток.

«Северо-восточные ворота отменяются. Кругом солдаты.

Какого черта, вы там наворотили во дворце? Пробирайтесь к гавани.

Я вас найду».

— Как мило. У него нашлось время для выволочки, но какая гавань нам нужна, он сказать не удосужился, — ворчит Сорокопут.

— Гавань Фари, — говорю я. — В первый раз мы с ним высадились именно там. Но это почти на другом конце города. А если улицы кишат солдатами...

Сорокопут хитро усмехается.

— Улицы, Лайя из Серры, — это для новичков. Будем уходить по крышам.

8: *Ловец Душ*

Женщина-джинн грубо дергает Каина, и Пророк, потеряв равновесие, со всей силы грохается на землю, наверх переломав все кости своей хрупкой плоти. Но когда три джинна обступают его, перекрывая пути к бегству, старик упрямо приподнимается на локтях.

— Он принадлежит нам. — Та, что возглавляет погоню, загоразивает собой Пророка. Струйки воды стекают по ее тяжелой накидке, алые глаза пылают ненавистью. — Возвращайся к своим призракам. Он не стоит твоего внимания, Ловец Душ.

Возможно. Но Каин что-то знает о моих кошмарах. Он знает об угрозе, нависшей над Землями Ожидания. У него есть информация, и он мне нужен. «Будь ты проклят, старик».

— Пророки когда-то были людьми, я отвечаю за него тоже. Его изгонят из Земель Ожидания. Но это сделаете не вы.

Один из джиннов выступает вперед. Капюшон падает на спину, открывая смуглое лицо и множество туго заплетенных мелких косичек. Этот джинн кого-то мне напоминает, но почему?

— Сильно сказано, мальчишка, — звучит презрительный смешок.

От вспышки злости моя кожа начинает гореть. «Ты теперь не мальчик, а мужчина. У тебя есть обязанности мужчины и право выбора мужчины». Эти слова когда-то в моей прошлой жизни сказал мне Каин, хотя я и не помню, когда.

Но я помню, как предугадывать действия противника, что позволяет вовремя отскочить в сторону и не попасть под струю огня, выпущенную в меня командиром отряда джиннов.

Передышка длится недолго. Существо наносит удар за ударом, и вот уже мое тело охвачено пламенем. На мне ни рубашки, ни плаща, которые защитили бы меня от ожогов. Магия Маута наконец пробуждается — как раз в тот момент, когда на меня обрушивается самый мощный огненный залп. «Сражается с монстром, которого сам же и породил», — так сказал Каин.

«Сейчас не время отвлекаться, Маут! — ору я. — Если ты не хочешь, чтобы меня поджарили заживо».

Маут не отвечает, но попытка убить меня, похоже, истощила силы женщины-джинна — по крайней мере, сейчас. Обычное оружие против этих существ бесполезно, если только не покрыто солью. В любом случае, сейчас я безоружен и просто бью врага кулаком. Моя рука врезается в пылающую плоть, и когда она пятится с криком боли, я мысленно издаю ликующий вопль.

— Амбер! — Другой джинн, забыв о Каине, бросается ей на помощь.

— Назад, Маро! — кричит Амбер. Но я оказываюсь быстрее и без труда расшвыриваю джиннов, стерегущих старика. Моя невероятная скорость и боевые навыки становятся для них неприятным сюрпризом — чувство собственного превосходства в этот раз их подвело. Я успеваю подхватить Каина и, перекинув его через плечо, сбежать.

Пусть Земли Ожидания и не закрыты для них, джинны больше не являются Ловцами Душ. У них в головах нет карты Леса — в отличие от меня. В конце концов они меня выследят, но на это потребуется время.

Шагая по ветру, я пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце и обуздать ту часть себя, которую приводит в восторг жестокость сражения, когда все просто: есть ты и есть твой враг. «Ты наслаждался этой дракой, — шепчет мне голос. — Потому что ты был рожден для войны. Твое тело — это тело солдата».

Я ничего не отвечаю, но подстегиваю себя мчаться быстрее, пока соленый морской запах не ударяет мне в ноздри. Роща осталась за сотни миль позади, и где-то здесь мне встретилась та семья. За деревьями волны одна за другой обрушиваются на берег. Я разворачиваюсь спиной к прибою. Джинны не смогут подобраться ко мне с той стороны — они ненавидят соль.

Я сбрасываю с себя старика, и он морщится от боли.

— Что тебе известно о моих видениях? — спрашиваю я. — Ты что-то говорил об опасности, грозящей Землям Ожидания.

Старик медлит с ответом, и я бросаю многозначительный взгляд на Сумеречный Лес.

— Мне ничего не стоит вернуть тебя джиннам, — предупреждаю я. — Хочешь дальше гнить в тюрьме? Говори.

Каин вздыхает.

— Я расскажу тебе то, что ты желаешь знать. Но это будет иметь свою цену. — С непреклонной решимостью он тянется к моим рукам и прижимает их к своей груди. — Я хочу, чтобы ты меня освободил, Ловец Душ. Ты — Бану аль-Маут, Избранник Смерти. В этом мире немного созданий, способных оборвать мою жизнь. Я прошу тебя сделать это быстро.

Перед глазами вспыхивают картины тысячелетнего прошлого — я требовал от джиннов правды и я ее получил. Вот Каин, молодой король Книжников, он жаждет власти, он одержим идеей овладеть магией. Каин просит этих знаний у правителя огненных существ — он еще не превратился в Князя Тьмы, нет. Каин манипулирует доверчивой, влюбленной в него женщиной-джинном по имени Шэва, уговаривая совершить предательство.

Вот Шэва, которая вверила заботу о Землях Ожидания мне. Шэва, которая не заслужила такой судьбы и была наказана из-за этого человека.

— Почему же ты просто не позволил джиннам убить тебя? — спрашиваю я.

— Потому, что они не хотят меня убивать, — объясняет Каин. — По крайней мере, пока. Джинн, умирая, произносит пророчество. Именно *этого* они от меня и ждут.

— Но ты же не джинн.

— Я пользовался их силой тысячу лет, Ловец Душ. — Пророк смотрит туда, где чернеет Сумеречный Лес. — Князь Тьмы убил остальных Пророков слишком быстро — знания не достались ему. Но меня он оставил в живых. Если он услышит то, что я должен сказать, этому миру наступит конец. Клянусь в этом плотью и кровью. Убей меня, Элиас, пока он и его слуги не добрались до меня, чтобы услышать пророчество. Не дай им использовать меня. Убей меня, и мир, возможно, выстоит.

— Я не собираюсь тебя убивать.

— Тело и душа! — Каин напирает на меня, рывком приближает мое лицо к своему, и все, что я вижу, это его красные, налитые кровью глаза. — Ты что, забыл? *Истинная свобода — и тела, и души.*

— Ложь, — отвечаю я. — Как и все остальное, что ты мне говорил.

— Не ложь, а надежда, — возражает он. — Надежда на будущее. Надежда для Книжников — моего народа, который я предал. Надежда для тебя, Ловец Душ, пусть ты и веришь в предначертанность судьбы. Но ты ошибаешься, что бы ни говорили тебе Маут и Князь Тьмы.

Тот же голос в моем сознании снова оживает: «Не поддавайся на его уловки, Ловец Душ».

Но я не хочу слушать.

«Сражайся».

Вдалеке над деревьями поднимается красно-оранжевое зарево. Джинны скоро будут здесь.

— Расскажи мне о вещих снах и об угрозе, нависшей над Землями Ожидания. Тогда я доставлю тебя туда, куда джинны не смогут добраться.

— Мне не нужна безопасность, мне нужна свобода. Смертельный удар освободит меня, Элиас Витуриус. И тебя. Поклянись мне в том, что сделаешь это, и ты узнаешь то, что желаешь знать.

— В таком случае, можешь оставить свои секреты при себе.

Я чувствую здесь какой-то подвох. Старик чего-то недоговаривает. Я пытаюсь стряхнуть его руки, но он цепко держит меня.

— Повторяю, я не буду тебя убивать.

— Запомни: я надеялся обойтись без жестокости, — шепчет он. — Помни, что я пытался, Элиас, хотя ты и проклинаешь мое имя сейчас. И рассказывай всем. Ты мой посланец здесь, когда жизнь моя подходит к концу, и если ты не расскажешь им, не будет безоблачного неба после бури, не будет ни Земель Ожидания, ни призраков, ни надежды. Лишь боль и страдания.

Отпуская мои руки, Каин впивается пальцами мне в голову, нажимая на кости черепа, будто хочет пробуровать их насквозь. Я вскрикиваю и пытаюсь вырваться. Я гораздо выше его и на четыре стоуна¹ тяжелее, но старик без труда удерживает меня, словно того шестилетнего мальчишку, которого когда-то притащили в Блэклиф.

— Это мой дар тебе, Элиас, — говорит он. — За все то, что когда-то забрал у тебя. Девушку с золотыми глазами зовут Лайя из Серры, она дочь Львицы. Я вкладываю в твое сознание ее имя, и никакая сила на этой Земле не сможет стереть его...

Магия вспыхивает в нем, и на меня обрушиваются воспоминания.

¹ Т. е., на 25 кг.

Пламя в ее глазах в тот день, когда я впервые встретил ее...

Безлунная ночь в пустыне, на землях Кочевников. Произнесенные шепотом слова: «Ты — мой храм...»

Ее слезы, когда она вложила мне в руку тот деревянный браслет. «Возьми это. Он мне больше не нужен...»

— Нет. — Я упорно пытаюсь оторвать от себя руки Каина. — Прекрати это.

— Молодая женщина с короной светлых волос... — продолжает Пророк, сверля меня своим жутким взглядом, — ...это Элен Аквилла, Кровавый Сорокопут и Надежда Империи. Я вкладываю в твое сознание ее имя, и никакая сила на этой Земле не сможет стереть его...

Ее рука, протянутая мне в загоне для отбраковки...

Ее лицо, освещенное луной, в степях на севере Империи, ее улыбка, вой ветра...

«Отпусти меня, Элиас», сказала она мне, когда я бежал из Блэклифа...

— Каин, во имя неба! — Я с силой отталкиваю его, но он не отпускает. Магия Маута накапливается внутри меня, в моих раскаленных добела пальцах, стремясь вырваться наружу. — Прекрати, чтобы ты сдох, будь ты проклят... — Мне странно произносить эти слова, и я вдруг понимаю, что не бранился уже несколько месяцев. — Ты чокнутый старый придурок!

Но Каин не сдается. Он говорит, и его слова, как удары дубины, обрушиваются на меня.

— Женщина с ледяными глазами — твоя мать, Керис Витурия, дочь Квина и Каринны, наставник и палач. Я вкладываю в твое сознание ее имя, и никакая сила на этой Земле не сможет стереть его...

Ее усталое лицо, пристальный взгляд, направленный на меня...

«Ступай к каравану, Ильяас. В пустыне ночью бродит немало темных тварей...»

Татуировка на ее шее...

Мое сознание переполняют эти имена, их лица, воспоминания о том, что было между нами. *Лайя. Элен. Керис. Возлюбленная. Друг. Мать.*

Это невыносимо, потому что у меня теперь есть долг, а эти имена, эти лица отныне станут мне помехой. Но теперь мне никогда не избавиться от воспоминаний, возвращенных Каином.

Лайя. Элен. Керис.

— Забери эту память, Каин, — шепчу я, хотя мне хочется кричать. *Лайя. Элен. Керис. — Убери их...*

Но Пророк лишь крепче вцепляется мне в волосы. И напуганный тем, что могу вспомнить что-то еще, я высвобождаю магию Маута. Она обвиняется вокруг шеи Каина, как плеть, и за несколько секунд «высасывает» его жизненную силу. Пророк валится на камни, и я опускаюсь рядом с ним, только сейчас понимая, что в этом и была его цель. Для того он и вернул мне воспоминания. Пророк еще дышит. Но я знаю, что жить ему осталось недолго.

Я смотрю на него и вновь ощущаю холод песков пустыни, страх племени Саиф, липкий, почти материальный. Я вижу, как гаснут звезды — этой ночью он забрал меня из семьи. Украл у меня радость.

— Иначе было нельзя, Элиас, — шепчет он. — Я...

Тело старика цепенеет, совсем как у Шэвы — его конец уже близок. Его взгляд уже обращен внутрь себя, и когда Пророк снова открывает рот, начинает звучать целый хор голосов.

— *Это не один человек. Их всегда было трое. Кровавый Сорокопут — первая. Лайя из Серры — вторая. А Ловец Душ — последний. Мать присматривает за всеми. Если терпит неудачу один, терпят неудачу все. Если один умрет, умрут все. Возвращайтесь к началу*

и там найдите истину. Сражайтесь до конца, иначе все будет потеряно.

Каина бьет дрожь, но его глаза снова впиваются в мои.

— Передай им. Поклянись мне! — звучит его прежний повелительный голос Пророка, но, когда он сжимает мою ладонь, в его пальцах нет прежней силы. Рука падает на землю, из горла вырывается предсмертный хрип.

— Элиас... — шепчет он. — Помни...

Он что-то шепчет еще, но мне не разобрать. А в следующий миг из-за деревьев высыпают джинны. Я снова ускользаю от них и останавливаюсь только на поляне у своего домика — здесь я в безопасности.

Я с трудом волочу ноги, мое сердце готово разорваться, напоминая о том, что я тоже смертен. В чаще Леса стенают призраки, нуждаясь в утешении. Но я захлопываю дверь изнутри. Дрожа всем телом и тяжело дыша, я жду, пока Маут исцелит мои ожоги, избавит от мыслей, лишивших меня покоя. *Лайя. Элен. Керис.*

Когда магия окутывает меня, мне хочется рыдать от облегчения. Ожоги исчезают, и сердце снова бьется в обычном ритме, однако имена и лица не уносит волной забвения. Они проходят передо мной снова, и мне кажется, что в мой мозг вонзаются десятки игл.

Когда я думаю обо всех тех, кого убил, будучи Маской, я содрогаюсь от стыда. Их было так много, что я не могу сосчитать. Среди них не только враги, но и друзья. *Деметриус. Леандр. Эннис.*

Нет, нет. В моем мире нет места эмоциям, эти воспоминания — глупость и безрассудство.

«Маут, — мысленно взываю я. — Помоги».

Но ответа нет.

9: Кровавый Сорокопут

Мы добираемся до гавани только с девятым колоколом, Лайя пыхтит, как если бы пробежала сотню коротких дистанций подряд в разгар серрийского лета.

— Нужна минута? — спрашиваю я, и ее гневный взгляд заставляет меня попятиться — на всякий случай.

— Лучше десять, — хрипит она.

Я останавливаюсь в переулке, который ведет к гавани Адисы, в западной части города. Ветер со свистом носится над причалом, но снегопад прекратился, и горожане высыпали наружу.

Лоточники торгуют дымящейся лапшой в чесночном бульоне, жареными пончиками, посыпанными сахаром, и всякой другой уличной едой, от запаха которой у меня текут слюнки. Малолетние карманники, шныряющие среди толпы, ловко вытаскивают кошельки у зазевавшихся покупателей.

И повсюду солдаты Никлы в блестящих синих латах с узором, напоминающим чешую: патрулируют улицы по двое или вчетвером.

— Надо найти лодку, — говорит Лайя. — Вряд ли Муса ждет нас на набережной. Его здесь слишком хорошо знают.

— Идем.

Я киваю на иссохшую седую торговку рыбой, которая вопит как резаная. Но ее место в самом конце причала, потому и покупателей почти нет. Однако за спиной у нее покачивается на воде пустая плоскодонка.

— Как раз хватит места для двоих. И она маневренная, чтобы пробраться через ночной рынок. — В гавани Фари скопилось множество освещенных фонарями лодок — это

знаменитый плавучий рынок Адисы. — Я вырублю старуху, а ты заберешь...

— Мы не будем бить старую женщину! — шипит Лайя. — Подумай о ее внуках!

Девчонка-Книжница, энергично действуя локтями, проталкивается к причалу. Торговка замечает нас и начинает размахивать гигантской рыбиной с серебристой чешуей и розовым брюхом.

— Зимняя донная рыба, свежепойманная! — орет она во всю мочь, хотя я стою в двух шагах от нее. — Нарубите ее, поджарьте ее, сварите ее!

Лайя смотрит на бочонки с непроданной рыбой за спиной у старухи.

— Дела идут неважно, матушка?

— Я тебе не матушка, — отрезает торговка. — Но для тебя у меня найдется крупная жирная рыбина. Десять медных монет, и твоей семье хватит еды на неделю. Сколько у тебя детей?

— Нам нужна твоя лодка, — вмешиваюсь я, отодвигая Лайю. Сейчас, черт побери, нет времени обмениваться любезностями. Кроме солдат Никлы я заметила воинов-Меченосцев, людей Керис, патрулирующих границы рынка. Я протягиваю старухе золотую марку. — И твое молчание.

Марка — это целое состояние для торговки, которая зарабатывает в месяц пригоршню медяков. Но женщина подбрасывает монету в воздух, ловит ее и возвращает мне.

— Лодка стоит недешево, Меченосец. Как и молчание.

И снова хватает за хвост несчастную дохлую рыбину.

— Зимняя донная рыба, совсем свежая, только что из воды! — надрывается она, и я с большим трудом подавляю желание заткнуть уши. — Жарьте ее, тушите ее, накормите друзей!

Перед тем как сдать Антиум, Керис присвоила себе императорскую казну. Поэтому с деньгами у меня туго. Но, скрежеща зубами, я добавляю еще две марки. Торговка рыбой прячет деньги в карман и, не переставая голосить, кивает на свою плоскодонку.

Залезая в лодку, я бросаю на свою сообщницу неодобрительный взгляд.

— Ну что, довольна? Мы оставили милой старушке жизнь.

Книжница пожимает плечами.

— Не все проблемы можно решить ударом ножа, Сорокопут. Вот, надень шляпу. В капюшоне ты подозрительно выглядишь.

На город опускается ночь. Плоскодонка медленно удаляется от причала в сторону гавани.

— Вряд ли ты сумеешь провернуть трюк с исчезновением? — обращаюсь я к Лайе.

Всегда проще, если тебя прикрывает невидимый союзник. Но она отрицательно качает головой.

— Князь Тьмы в городе. Я не могу...

Лайя замолкает и, широко раскрыв глаза, смотрит куда-то мне за спину. Я резко поворачиваюсь, ожидая увидеть Маску, взвод солдат-Мореходов, Коменданта собственной персоной. В руках я сжимаю кинжалы. Но на причале все так же голосит торговка, и больше никого.

— Извини. — Книжница прижимает кончики пальцев к вискам, вздрагивая, когда нас задевает чужая лодка. — Я подумала... но нет, ничего.

Она качает головой, а я вдруг вспоминаю ее мать, Мирру из Серры, которую я знала только как Кухарку.

Пока Лайя приходит в себя, я маневрирую в гавани, забитой посудинами торговцев. Муса мне все уши прожужжал рассказами об этом рынке, и, к собственному изумлению, я обнаруживаю, что он ничего не приукра-

сил. Мы проплываем мимо анканского дау¹ — с его синих парусов на нас смотрит огромный глаз. За дау дрэйфует дюжина лодок, освещенных бумажными фонариками — Мореходы торгуют фиолетово-черной сливой размером почти с яблоко, рыбой, свежепойманными креветками и бородавчатыми синими тыквами.

— Сорокопут, — шепчет Лайя. — Маска!

Я замечаю его сразу же — Маска стоит на палубе громадного корабля, тень которого накрывает половину рынка. Ночь сегодня безлунная, небо скрыто плотными облаками, но флаг, развевающийся на мачте, подсвечен снизу. Черный флаг с вышитой белой буквой «К». Флаг Керис.

В последний раз, когда я видела этот штандарт, он выглядел иначе. Теперь над «К» красуется корона с острыми зубцами. При виде этой короны мне хочется сломать весло.

— Это «Саматис», — отвечаю я. — Один из кораблей, которые я оставила под командованием Квина Витуриуса в Навиуме.

Лишь небесам известно, где сейчас старик.

В тот же момент я выхватываю взглядом другого Маску, который лавирует среди торговых лодок. Мое сердце пускается вскачь. У этого хватило здравого смысла прикрыть серебро на своем лице широкополой рыбацкой шляпой.

— Харпер здесь, — кидаю я через плечо, и через мгновение Лайя тоже видит его.

— Он один. Как ты думаешь, Дарин с Мусой сумели выбраться из города?

— Надеюсь на это, черт побери, — бормочу я сквозь зубы.

¹ Дау — название арабских, легких парусных судов. Бывают одно, полутора и двухмачтовые.

В Дельфиниуме не хватает кузнецов. И Дарин, который умеет ковать не знающие износа клинки из серрийской стали, нам жизненно необходим. Без оружия я не смогу вернуть своему племяннику трон.

Мы начинаем пробираться к Харперу, время от времени останавливаясь, чтобы сделать покупку и не привлекать к себе внимания. Это место вызывает у меня восхищение — действительно, это одно из чудес света.

Но я мечтаю вернуться в Антиум, снова увидеть высокие колонны Архивного Чертога, купола и арки квартала патрициев. Я тоскую по рыночной суете и по заснеженным вершинам Невеннского хребта, которые видны из любой точки города.

Я тоскую по своему народу. И знаю, что жители Антиума страдают под властью Гримарра.

— Гони тревожные мысли, пользы от них никакой. — Лайя, естественно, угадывает, о чем я думаю. — Но разговор обычно помогает.

— Без помощи Мореходов, — вздыхаю я, — все станет еще хуже. Сейчас нас поддерживают, потому что Отцы патрицианских кланов Дельфиниума знают, что произошло в Антиуме. Но для жителей южной части Империи предательство Коменданта — всего лишь слухи. А с теми, кто этим слухам верит, она беспощадно расправляется.

— Она опирается на патрициев южных городов, — соглашается Лайя. — И у нее есть армия. Но все это не означает, что она победила. Что ты сама повторяешь всякий раз, когда у меня нет сил как следует натянуть тетиву? «Поражение у тебя в голове...»

— ...Означает поражение на поле боя. — Я улыбаюсь Лайе. Начиная обучать ее стрельбе из лука, я была уверена, что она сдастся, когда поймет, насколько сложно овладеть этим искусством.

И я ошиблась. И когда я реагировала слишком резко, Лайя только удваивала усилия. Иногда по ночам я видела ее на стрельбище у казарм Черной Гвардии. Конечно, ей далеко до Маски, но она способна убить человека с тридцати шагов.

— Ты права. Возможно, Керис желает нам смерти, но я пока не спешу на Земли Ожидания. Надеюсь, ты тоже.

Лицо Лайи становится каменным. Я слишком поздно понимаю, что сказала.

— Я... э... прости.

— Ничего страшного, — вздыхает Лайя. — Мужчины не стоят наших нервов и потраченного времени.

— Чушь все это, — соглашаюсь я.

— Совершенно бесполезные создания, — ухмыляется она.

Я фыркаю, потом мой взгляд невольно устремляется в сторону Харпера, который никак не выберется из этой толчеи. Лайя догадывается, на кого я смотрю.

— Кровавый Сорокопут, но все это не о нем.

— Мы почти на месте.

Я не настроена обсуждать Харпера, ни сейчас, ни потом. Но Лайя качает головой.

— Бедняга Авитас, — говорит она. — У него нет ни малейшего шанса, верно? Клянусь всеми богами, он окончательно потеряет голову, когда увидит тебя в этой коже.

Уязвленная, я чувствую, как кровь приливает к щекам. Я не ожидала от Лайи удара в спину.

— Можно было обойтись и без издевок, — бросаю я. — Я прекрасно знаю, что я не такая, как... — Я делаю неопределенный жест в ее сторону. У нее соблазнительная, женственная фигура.

Лайя в ответ лишь приподнимает брови.

— Я вовсе не издевалась над тобой, Сорокопут, — серьезно говорит она. — Ты очень красивая. Неудивительно, что он не может отвести от тебя глаз.

Меня переполняет странное тепло, как будто я только что выиграла битву или выпила с полдюжины кружек эля.

— Ты...

«Ты действительно так считаешь?» — хочется сказать мне. Если бы Фарис, Декс или даже Элиас вздумал бы даже заикнуться об этом, сразу получил бы кулаком в зубы.

— Ты говоришь это просто потому, что ты мой... мой...

— Друг? Неужели это так трудно признать? — Лайя демонстративно закатывает глаза. — Книжница из Сопротивления и Кровавый Сорокопут Империи Меченосцев стали друзьями, и небо не упало на землю. Что же нам теперь делать?

— Для начала постараемся выбраться отсюда живыми, — откликаюсь я. — Иначе мне придется заводить себе новых друзей в загробном мире, а мы обе знаем, чем это закончится.

Наконец-то нас догоняет Харпер и ловко перепрыгивает в нашу лодку, пуская в свободное плавание ту, на которой приплыл. Он оказывается так близко, что я чувствую тепло его тела и опускаю веки, чтобы сосредоточиться на этих ощущениях. Когда я снова открываю глаза, первое, что я вижу, это как он смотрит на мои губы. Светло-зеленые глаза горят, взгляд блуждает по моему телу. Мне следует приказать ему выбрать другой объект. Я Кровавый Сорокопут, в конце концов! И Лайя сидит рядом. Все это совершенно неприлично.

Но я позволяю ему разглядывать себя еще пару секунд.

— Ах... Сорокопут. — Он трясет головой. — Прошу прощения...

— Забудь, Харпер. Докладывай! — рявкая я и сама злюсь на себя за этот тон. Но я знаю, что так надо.

— Солдаты, Сорокопут.

— Это, по-твоему, донесение?..

Я не успеваю договорить — Харпер толкает меня в сторону, и стрела вонзается в мачту рядом со мной. Из-за рыночного шума я не слышала ее свиста. Авитас хватается за весло, но Лайя громко кричит:

— Сорокопут!

Ее взгляд мечется то в одну, то в другую сторону, и я сразу же замечаю легионеров. Они умело замаскировались под торговцев и теперь гребут к нашей посудине на полной скорости.

Мы окружены.

10: Лайя

Вот я смотрю на воинов-Меченосцев, которые окружают нас со всех сторон. У них больше дюжины плоскодонок.

В следующее мгновение легионеры уже запрыгивают в нашу лодку. Я едва успеваю криком предупредить своих, когда мускулистая рука в боевой перчатке сдавливает мне горло.

Наша посуда яростно раскачивается, пока Харпер и Сорокопут пытаются отразить атаку. Я тоже отбиваюсь, мне удается попасть ногой в колено воину, который меня схватил. Он стонет, а потом случается это: я не чувствую собственного веса.

Ледяная волна ударяет меня в лоб, словно кулак — это солдат сбросил меня в воду.

И тут я вспоминаю о нашем разговоре с Элиасом в Серре, когда я призналась, что не умею плавать. «Напомни мне потом научить тебя».

Я бестолково бью руками по воде. Тело быстро коченеет, ноги не слушаются. Намокшая одежда, точно огромные руки, тянет меня вниз, в морские глубины.

«Смирись, — думаю я. — Смирись, и пусть другие закончат эту войну. Ты снова увидишь свою семью. Ты снова встретишь Элиаса. Не сопротивляйся».

Передо мной в толще воды всплывает золотая фигура, и голову заполняют воспоминания. Комната в Адисе. Колдуньи-йадуна. Жестокая боль, когда *существо* покинуло мое тело. Йадуна называли *его* по имени.

Рехмат — незнакомое имя. Йадуна не сказали, что оно означает. Но теперь это уже неважно. Жизнь покидает меня.

— Привет тебе, Лайя, слушай меня внимательно. — Слова Рехмат действуют на меня, подобно удару кнута,

и мое тело содрогается. — Ты не сдашься сейчас. Сражайся, дитя.

Кем бы ни было это создание, Рехмат, оно требует повинования. Я размахиваю руками, колочу ногами, пытаюсь всплыть навстречу слабому свечению фонарей плавучего рынка. Я извиваюсь всем телом, гребу, как сумасшедшая, пока моя голова не оказывается над водой.

Вода плещет мне в рот, я едва не захлебываюсь.

— Вон она! — раздается неподалеку чей-то голос, и через пару минут бледная рука затаскивает меня на нашу плоскодонку.

— Тысяча чертей, Книжница, — бранится Кровавый Сорокопут. — Ты что, не умеешь плавать?

У меня нет возможности ответить. Харпер показывает на набережную: взвод Меченосцев рассаживается по шлюпкам.

— Еще солдаты, Сорокопут, — говорит он. — Надо выбираться отсюда.

Я слышу негромкий писк и успеваю заметить вспышку крохотных крыльев, а на колени Кровавому Сорокопуту падает свиток.

— Муса и Дарин ждут нас к северо-западу отсюда, — говорит она, прочитав сообщение. — Сразу за плавучим рынком.

— Держитесь.

Авитас направляет наше судно прямо в самую многолюдную часть рынка, и мы врезаемся в скопление торговых лодок. Во все стороны летят корзины, рыба, свернутые канаты, люди тоже отправляются в полет. Нам вслед несутся проклятия и вопли, а Меченосцы осыпают рынок пылающими стрелами, не заботясь о том, в кого попадут.

— Давай за нами, Лайя!

Авитас и Сорокопут проворно перепрыгивают на соседнюю лодку, потом на следующую: они уверенно продвигаются вперед, как будто бегут по твердой земле.

Но я не могу прыгать так же быстро — мне мешает влажная одежда, холодный ветер бьет мне в лицо. Я кое-как цепляюсь за корму очередной лодки и забираюсь в нее с грацией захмелевшего медведя.

Кровавый Сорокопут оборачивается и взмахом клинка освобождает меня от тяжелого шерстяного плаща. Я благодарю небеса за то, что надела сорочку, потому что еще через два удара куртка сползает с моих плеч, и Сорокопут сдергивает ее с меня.

У меня зуб на зуб не попадает от холода, зато теперь я могу двигаться быстрее. Мы оторвались от Меченосцев, но только на время. Я уже вижу, как еще один взвод мчится в обход, пытаюсь отрезать нам путь к отступлению.

— Нам не прорваться. — Авитас останавливается на ялике, которым управляет насмерть перепуганный мальчишка-Мореход. При виде нас он прыгает в воду. Продавцы и покупатели, проворно действуя шестами и баграми, гребут прочь. Никто из местных не горит желанием очутиться в центре побоища. Нам некуда бежать.

— Сорокопут, тебе придется проплыть под их кордоном, — говорит Авитас. — Лайя, если ты сможешь стать невидимой, я отвлеку их...

Лицо Сорокопута становится белым, как мел.

— Я тебе это запрещаю!

Пока они пререкаются, я пытаюсь воззвать к своей силе, но магия ускользает от меня. *Князь Тьмы*. Этот ублюдок все еще в городе, блокируя мою силу.

— Ты ошибаешься, Лайя из Серры. — На этот раз свечение возникает сбоку от меня, и оно так реально — я просто не могу поверить в то, что мои спутники ничего не видят.

— Отвяжись от меня, — шиплю я, чувствуя себя чокнутой оттого, что разговариваю с существом, невидимым для остальных.

— Князь Тьмы мог лишать тебя силы, но так было прежде, — говорит Рехмат. — До того, как ты разбудила меня. Теперь ты стала сильнее. Ты можешь исчезнуть. Ты можешь даже спрятать своих друзей.

Кровавый Сорокопут срывает с плеча лук и расстреливает преследователей. Но их слишком много.

Свечение Рехмат пульсирует рядом со мной.

— Значит, ты хочешь умереть здесь, дочь Мирры и Джахана? — спрашивает существо. — Мысленно представь свое могущество в виде плаща, сотканного из тьмы. Укройся под этим плащом. Потом заведи к себе Кровавого Сорокопута и Маску.

— Откуда мне знать, что ты не обманываешь меня? Что ты не очередное воплощение Князя Тьмы?

— Доверься мне, иначе ты умрешь, — рычит Рехмат.

Во тьме вырисовываются очертания вражеской шлюпки. На носу стоит Маска, и я застываю, охваченная ужасом. Передо мной мелькает силуэт Сорокопута: она прыгает в лодку Маски, и наш ялик снова раскачивается. Маска, обнажив зубы в жестокой ухмылке, вытаскивает мечи, отражая атаку Сорокопута и переходя в наступление.

Другая лодка, набитая солдатами, с размаху врежется в нашу, и теперь Авитас с Сорокопутом сражаются спина к спине — их клинки рассекают воздух как размытые тени. Они похожи на четверорукого монстра, они рубят, отбивают удары, не подпускают к нашему ялику людей Керис.

— Их силы когда-то закончатся, Лайя, — говорит Рехмат. — Воспользуйся своей магией. Спаси их жизни. Спаси собственную жизнь.

— Я пыталась...

— Значит, попробуй еще, постарайся как следует. — В голосе Рехмат, и прежде суровом, звенит сталь. — Ты дитя *кедим йаду*, девочка. Это древняя магия. Наконец, через много веков одна из *кедим йаду* восстала против

Князя Тьмы. Ты сделала это, бесстрашно выступила против него и победила. Неужели теперь ты дрогнешь, дитя? Неужели ты боишься?

В голосе Рехмат есть что-то такое, чему невозможно сопротивляться, и эти слова находят отклик в самой глубине моего естества. Как будто это создание извлекло из меня возможности, с которыми уже я родилась? Или это всего ли игры моего сознания, или ловушка Князя Тьмы?

А может быть, столько раз обманутая и преданная, я наконец-то научилась слышать правду? И теперь готова поверить в то, что побеждала потому, что просто сражалась до конца, тогда как другие уже бы сдались.

Сорокопут продолжает стрелять, лодка у меня под ногами ходит ходуном. Авитас изрыгает проклятья — Меченосцы наседают.

Мне кажется, что время замедляется и почти останавливается. Вокруг меня царит полный хаос, в котором мне слышатся слова моей бабушки: «Где есть жизнь, там есть и надежда».

Я не желаю умирать. Почему я должна, если я еще молода и полна жизни? Я не позволю Князю Тьмы одержать легкую победу, ведь это моя ярость должна уничтожить его, моя сила должна освободить Книжников из-под его ярма.

«Исчезни». Сила возникает словно из ниоткуда, обрушивается на меня, подобно океанской волне, и я шатаюсь. «Это? Я могу сделать это?»

— Представь себе тьму, накрывающую Кровавого Сорокопута и Авитаса Харпера, — торопит меня Рехмат. — Быстрее!

Эта задача оказывается более трудной, потому что я не понимаю, что делать. Я «растягиваю» темноту, укрывающую меня, пытаюсь «набросить» ее на Кровавого Сорокопута. На мгновение ее фигура исчезает, потом появляется снова.

— Пробуй еще, — приказывает Рехмат. — Но на этот раз удержи!

Я подчиняюсь и чувствую, как пот заливает глаза. Пытаюсь еще. И еще. Сорокопут становится невидимой, но это продолжается лишь долю секунды. Так повторяется несколько раз, но сама она похоже ничего не замечает. Маска, с которым она сражается, смотрит на нее, разинув рот, и она протыкает его насквозь.

— Сорокопут!

Неожиданно из темноты показывается длинная *шаб-ка* — одномачтовое судно с двумя парами весел. На носу стоит Дарин, и я облегченно выдыхаю. Однако вид у моего брата такой, будто он хочет придушить Сорокопута на месте.

— Где Лайя? Где моя сестра?

Сорокопут на лету разрубает стрелу, направленную ей в сердце.

— Не дергайся! — кричит она. — Она прямо...

Она не успевает договорить: в этот момент я «набрасываю» на нее и на Авитаса покрывало тьмы. Секунду назад они еще сражались, а теперь люди Керис, опустив мечи, тарашатся на пустую лодку.

Я протягиваю руку к тому месту, где по моим расчетам находится плечо Сорокопута, молясь про себя о том, чтобы ни она, ни Авитас случайно не перерезали мне горло.

— Они вас не видят! — шепчу я. — Перелезайте к Мусе. Быстро!

Я чувствую движение воздуха и понимаю, что это Сорокопут проскальзывает мимо меня и карабкается на другую лодку. Харпер следует за ней, а я снова сосредотачиваюсь и не прекращаю попыток до тех пор, пока Дарин и Муса не становятся невидимками тоже. В последний момент я успеваю заметить их изумленно распахнутые глаза.

— Прекрати грести, — едва слышно приказываю я Пчеловоду. — Никому не двигаться!

Шабка дрэйфует, ее уносит прочь от лодок Меченосцев, которые обыскивают гавань. Но их оружие, физическая сила и численность — ничто против моей магии.

Солдаты окружают наше судно. Осмотрев лодку и никого не увидев, они плывут прочь, к ялику, на котором видели нас в последний раз, ищут в воде. Минуты тянутся, как часы. Мы замерли в полном молчании. Когда солдаты скрываются из виду, Муса с Сорокопутом берутся за весла и гребут, стараясь действовать как можно быстрее и тише. Вскоре огни плавучего рынка почти исчезают вдали. Наконец наступает момент, когда я сбрасываю «покрывало невидимости», и все сразу начинают говорить.

— Слава богам, вы все целы...

— *Какого черта*, что это было...

— Лайя! — Чей-то пронзительный голос заглушает все остальные, а из-под скамьи выбирается костлявый мальчишка.

Он изрядно вытянулся, но глаза все так же блестят, и лучезарная улыбка никуда не делась. Я впервые встретила его в тюрьме Кауф, когда пыталась вызволить из этого страшного места Дарина и Элиаса.

— *Тас?* — Я не верю своим глазам, но это именно он. Он бросается ко мне, и я сжимаю в объятиях его тощее тело. — Что ты здесь делаешь? Я думала, ты сейчас в безопасном месте, в Айо...

— Тас и был «делом», ради которого я вернулся в кузницу, — объясняет Дарин. — Я не стал тебе говорить — боялся, что он не успеет добраться туда вовремя.

— С этим вы потом разберетесь, — встречается Муса. — Мне кажется, что Лайе пора, наконец, поведать нам о своем невидимом друге.

«Рехмат. Он имеет в виду Рехмат».

Я окидываю его сердитым взглядом.

— В один прекрасный день из-за своей привычки подслушивать ты влипнешь в такие неприятности, что даже феи не смогут тебе помочь.

— Но не сегодня, *аапан*, — звучит его ответ. — Говори.

Когда я заканчиваю свой рассказ, снеговые тучи уходят, и небо на востоке становится бледно-оранжевым — занимается утренняя заря. Волны улеглись, ветер попутный, и мы довольно быстро движемся на северо-запад, по направлению к устью реки, которая должна доставить нас к границам Империи. Муса вытащил весла и поднял паруса, и мы, собравшись в кружок, сидим на корме.

— Значит, вот как, — говорит Дарин. — Ты просто решила, что должна в одиночку победить Князя Тьмы?

— Мне кажется, это будет правильно. — Я не озвучиваю, что понятия не имею, как уничтожить джинна, и даже не представляю, с чего начать.

— Вряд ли этого достаточно, чтобы выйти на охоту за самым чудовищным созданием, когда-либо ступавшим по Земле. Почему это должна быть ты?

Его недоверие меня просто бесит. Он знает, на что я способна! Но все равно я должна объяснить.

Я вдруг ощущаю острую тоску по Элиасу. Он увидел мою силу задолго до того, как она пробудилась. «Ты обязательно сумеешь найти выход», — сказал он мне, когда мы бежали из Серры, спасаясь от Коменданта и ее подручных.

— Я не могу доверить это никому другому, Дарин. Всем остальным есть что терять...

— А тебе, выходит, нечего?

Я смотрю на Дарина и вижу, что он будто постарел от моих слов. Мой брат стоически перенес гибель всей нашей семьи, он редко говорит о родителях, сестре, бабушке с дедушкой. Но сейчас он думает именно о них.

Я продолжаю молчать, и Харпер негромко кашляет.

— Давайте-ка на минутку забудем о Князе Тьмы... — Рука Маски легко управляется с румпелем. — Это... существо. Рехмат. Оно жило в твоём теле?

— Как паразит? — подсказывает Муса. — Или демон?

— Не надо смотреть на меня с таким ужасом, — говорю я. — Что бы это ни было, оно живет и внутри вас тоже. У всех вас. По крайней мере, так сказали йадуна.

Муса оглядывает себя, видимо, опасаясь, что из его груди в любой момент вылетит какое-то потустороннее создание.

— Значит, если один из нас разозлится и наорет на Князя Тьмы...

— Я не *орала*...

— Тогда ничего не попишешь — придется с ним сражаться и победить? Не хочу тебя обидеть, *аанан*, но почему существо не выбрало одного из них? — Муса кивает на Харпера и Сорокопута. — Возможно, им как раз удалось бы подобраться к огненному монстру так близко, чтобы воткнуть ему в брюхо нож.

— Мне нужно защитить племянника, — отвечает Мусе Сорокопут. — И вернуть ему Империю. Даже если бы я захотела выследить Князя Тьмы, то просто бы не смогла.

— Я с ней, — произносит Харпер и слегка улыбается, когда щеки Сорокопута становятся пунцовыми. Но в следующую секунду его лицо снова каменеет.

— Да, так было бы лучше, — соглашаюсь я. — Но все же это буду я. Кстати, именно благодаря Рехмату я могу становиться невидимкой. И твои необычные навыки, Муса, тоже оттуда. И, возможно, поэтому мы с тобой, — я смотрю на Дарина, — никогда не боялись призраков Леса, в отличие от Афии.

— Но если это живет во всех нас, — уточняет Харпер, — тогда Тас, Дарин и я тоже должны владеть какой-нибудь магией, верно?

— Для того, чтобы одолеть Князя Тьмы, требуется целая армия, Лайя, — перебивает его Дарин. — Что если это такая уловка, чтобы ты отделилась от нас, стала уязвимой.

— Или «Рехмат» — это какое-то дьявольское существо, порождение карконского колдовства, — предполагает Сорокопут. — Мы все видели, на что способен Гримарр.

Я жду, когда выскажется Муса, но он застыл, наклонив голову набок, как всегда, когда слушает своих фей.

— А может быть, Рехмат вовсе не зло, — неожиданно раздается голос Таса. Все это время он сидел так тихо, что я даже забыла, что он тоже здесь. — Вы же знаете, что в мире существует не только зло. А как насчет Элиаса? Надо послушать, что он скажет.

Наступает зловещая тишина, и Дарин спешит сгладить неловкость.

— Надеюсь, у Мусы получится с ним связаться, — говорит мой брат. — Пойдем, Тас, я покажу тебе, как устанавливать паруса. Надо воспользоваться попутным ветром.

Они уходят на корму, а Пчеловод прикасается к моему плечу.

— Лайя, — говорит он. — Меченосцы стягивают войска к южным границам земель Кочевников. Они планируют вторжение. Феи только что сообщили мне.

— А племенам об этом известно? — спрашиваю я. — Должно быть известно. У них и прежде случались стычки с Меченосцами.

Муса качает головой.

— Это не стычка. И племена об этом даже не подозревают. Все передвижения скрывает какая-то незнакомая магия. Феи подслушали разговоры командиров. Атака планируется сразу после новолуния.

То есть через три недели.

— Ты можешь предупредить Кочевников, — шепчу я. — Времени, чтобы отправить сообщение, достаточно...

— Обязательно отправлю, — обещает Муса. — Но поверят ли Кочевники, вот в чем вопрос? Керис и Князь Тьмы слишком могущественны, Лайя. Керис раздавит Кочевников, а потом двинется на север...

На Дельфиниум. Закончить то, что начала в Антиуме. Муса поднимается со скамьи, окликая Сорокопута. Хлопает пурпурное полотнище. Дарин улыбается, показывая Тасу, как управлять парусами. «Вы же знаете, что в мире существует не только зло».

Хотелось бы мне в это верить.

* * *

Дни летят незаметно. Я занимаюсь рыбалкой, тренируюсь вместе с Сорокопутом, болтаю с Дарином, Мусой и Тасом. И когда солнце клонится к закату, мы все наблюдаем, как северное небо вспыхивает и начинает переливаться фиолетовым, розовым и зеленым.

На рассвете пятого дня вдалеке показывается берег залива Фари — скалистые утесы, а за ними — стена высоченных, древних деревьев. На фоне прозрачного утреннего неба лес кажется синим. Он тянется на запад до самого горизонта, сколько видит глаз.

Земли Ожидания.

Харпер разговаривает о чем-то с Сорокопутом, мы с Мусой слушаем очередную историю Таса. Но при виде Леса все замолкают. Ветер доносит до нас шепот множества голосов, и у меня по телу бегут мурашки.

— Знаешь, — вполголоса произносит Муса, так, что его слышу только я, — ты бы поговорила с Элиасом, а вдруг он позволит нам пройти...

— Нет.

— Мы бы выиграли почти три недели.

— Мы *не* пойдем через Земли Ожидания, Муса, — жестко говорю я. — Я думала, что кому-кому, а тебе-то не нужно объяснять, что случается, когда любовь всей твоей жизни превращается в чужака. Я не желаю его больше видеть. Никогда.

— Пчеловод. — Сорокопут сосредоточенно смотрит на пустынную гладь моря у нас за кормой. — Можно заставить это корыто плыть немного быстрее?

Я щурюсь, но вижу лишь белые шапки пены. В следующее мгновение я слышу свист, и стрела вонзается в рукоятку румпеля в нескольких дюймах от руки Мусы. Пчеловод чертыхается, а Сорокопут отталкивает его, срывает с плеча лук и начинает обстреливать невидимого врага.

— Люди Коменданта! — рявкает она, когда позади нас буквально из ниоткуда возникает небольшая «флотилия» из шлюпок. — Пригнитесь — ах!

Я слышу тошнотворный звук — это наконецник стрелы протыкает плоть. Сорокопут шатается. Я уже на ногах, осыпаю Меченосцев стрелами, стараясь действовать с максимальной быстротой и ловкостью.

— Слева! — Это Муса.

Краем глаза я замечаю еще вражеские лодки, приближающиеся с юга. И с севера.

— Есть мысли?! — кричу я Пчеловоду, глядя как нас постепенно окружают. — Потому что у меня скоро закончатся стрелы.

— Есть одна. — Муса бросает на меня быстрый взгляд, потом кивает в сторону Земель Ожидания. — Но она тебе не понравится.